

Александр Редькин
Книга Аркарка

Повесть

**КНИГА
АРКАРКА**

Александр Редькин
Книга Аркарка. Повесть

«Издательские решения»

Редькин А. В.

Книга Аркарка. Повесть / А. В. Редькин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747328-0

Монархические войны в альтернативной Европе XIV века, дихотомия между аристократией и плебсом, человеческие пороки и даже оккупация собственной страны в итоге не помешают средневековому интеллигенту вести учёт знаков свыше в книге наблюдений и на собственном примере убедиться в участии Духа в жизни людей.

ISBN 978-5-44-747328-0

© Редькин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Тени	6
1. Признак волка	6
2. Птичья кость	12
3. Два гонца	19
4. На Витархемской дороге	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Книга Аркарка Повесть

Александр Валерьевич Редькин

© Александр Валерьевич Редькин, 2018

ISBN 978-5-4474-7328-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Тени

1. Признак волка

Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды...

Пушкин

Он отложил дневник на самом интересном месте. Лёгкие и хорошо отполированные до блеска пластины глисебра аккуратной стопкой, подобно лезвию ножа, легли в свои кожаные ножны, обжатые по краям медными уголками. За окном надрывисто лаяла собака, слышался разговор слуги Дарга с кинским крестьянином, и воняло палёной шерстью. На окне паслись стада мух. Конечно, соседство с мясником являлось не самым приятным обстоятельством, тем более что он имел привычку сбрасывать потроха прямо в придорожную канаву, отчего на их короткой улочке постоянно крутились всякие падальщики вроде крыс и бродячих собак. Однако книжник находился с соседом в хороших отношениях – мясник раз в несколько дней снабжал их кухню парной телятиной, а взамен он учил соседского мальчишку начертанию прямых аксийских букв на восковой дощечке.

Мужчина поднялся с дубового сундука, окованного железом, подошёл к окну и прислонился к раме. Его профиль и прямой нос, выступающий над густыми пшеничными усами, а также ниспадающие на плечи волосы, производили впечатление человека задумчивого и зрелого, при этом не отягощенного суетой и трудностями. В стальных глазах Аркарка читался блеск разума и смелость мысли, а лицо дышало тонкой грустью. Серый кафтан, отделанный кроличьим мехом, и штаны из лучшего элманского сукна аккуратно сидели на среднего роста фигуре. Из рукавов кафтана наружу выбивался белый лён туники, а талию охватывал тонкий кожаный пояс с гребнем, письменным набором и кошельком. Он стоял у окна, сложив руки на груди, и смотрел через окно, как дерутся в грязной луже растрёпанные городские воробьи.

Книжника именовали Аркарк. Точнее так его называли друзья и жена Маора, а для всех остальных жителей Витархема – столицы Аксийского королевства он был мечником Аркарком Токинским. Небогатый род, из которого он происходил, находился на нижней ступени дворянской лестницы и собственной земли не имел. И хотя по материнской линии у Аркарка имелся богатый и влиятельный дядька в лице графа Хенца Фоонского, однако хороших родственных и уж тем более дружеских связей с ним Аркарк из Токина не имел. И вот почему.

Лет сто назад прадед Аркарка отчаянно дрался в битве при Саре – главной реке северных варваров и, мужественно сражаясь в пешем строю, осуществил дерзкую попытку прорыва фланга. Работая, как мельница, сразу двумя секирами, прадед Аркарка вместе с оруженосцами прорубил в строю противника достаточную для атаки кавалерии дыру, чем решил исход сражения в пользу аксийцев. За проявленную доблесть король даровал ему небольшое графство Фоон на границе с Саргией. Девять детей прадеда после его смерти никак не могли поделить маленькое наследство и образовали две соперничающие партии. Согласно аксийскому наследственному праву земля графства должна принадлежать первому сыну, достигшему военного возраста, имение Швац – второму, крестьяне и конюшни – третьему, а золото – дочерям. Но на войне, произошедшей вскоре с Ксебией, погибла почти вся мужская партия, и наследство перешло дочерям прославленного прадеда, которые быстро разделили всё между собой. Когда дед Аркарка, долго считавшийся погибшим, наконец, вернулся с похода, то его даже не пустили на порог имения. Тогда он как верный рыцарь Акции обратился за милостью к королю и даже заручился поддержкой, но торжеству справедливости помешала смерть монарха. Тогда, воспользовавшись женитьбой своего единственного сына – отца Аркарка на молодой дочери

токинского барона, дед покинул родные места и переселился из Фоона в рыбацкий город Токин на берегу Снежного моря. У баронессы родилось всего пять детей, но Аркарк оказался четвёртым по счёту мальчиком и поэтому, кроме титула мечника и духовного образования, ничего не получил после кончины родителей. По завершении обучения в монастырской школе Токина он переехал в столичный город Витархем, что в переводе с древнеаксийского означало «Ветряной Холм», где стал заниматься книгами и достиг на этом поприще определённого успеха.

Тем временем на улице прямо перед входом в дом Аркарка Дарг продолжал о чём-то громко спорить с крестьянином. Только одно слово, громко произнесённое кинским пастухом, и достигшее ушей книгочея, заставило его отложить дневник и прервать, таким образом, размышления. Этим словом была «война». Действительно, крестьянин, прибывший в столицу продать овечью шерсть, горячо доказывал Даргу, что авангард короля Кседда Птичий Нос перешёл пограничную реку Кон. Слуга в свою очередь упрекал оппонента в глупости:

– Баранья твоя голова ничего не понимает в королевских делах! Какая война!? Ты упился дрянным пивом и потерял разум! Всем известно, что три года назад Рочилд, да будет прославлено его имя, заключил с Кседдом мирный договор!

– Сударь, я уверяю вас, что знаю про договор. Но пусть Святой Грэнрик выколет мне глаза, если они не видели на нашем берегу Кона лучников с волчьими мордами на доспехах!

– Всё врёшь, пастух! Такого не может быть! Все купцы из Кинска и Готы приезжают в Витархем и говорят о мире с ксебами. Ты пьян и заставляешь меня слушать твои рассказы!

– Экий вы дерзкий! Говорю, что видел солдат, а вы не верите. Руно покупать-то будете? Пять грегеров всего.

– За твой тюк я не дам даже медного кроша!

Неизвестно сколько бы ещё продолжалась рассудительная беседа дерзкого слуги с дремучим крестьянином, который действительно мог что-нибудь видеть, если бы в разговор не вмешался Аркарк. Он забрался в поясной кошелёк, нашёл там монету необходимого номинала и кинул её вниз. Холоп моментально выхватил глисебровую монету из кучи навоза, в которую она упала, вытер пятак о штаны и поклонился.

– Большая, вам сударь, благодарность, – залепетал глазастый пастух.

Аркарк наполовину высунулся из окна и поинтересовался у крестьянина о том, что конкретно тот видел на южной реке. При этом мечник сделал слуге знак рукой, чтобы тот отнёс тюк шерсти в дом. Дарг повиновался: снял мешок с телеги и, отогнав ногой собаку, скрылся на первом этаже дома. Изнутри обидчиво лязгнули засовы.

– Милостивый сударь, всю свою жизнь я с братьями пасу овец возле Кона, – рассказал крестьянин. – И много раз видел ксебов на противоположном берегу, но сейчас это были конные лучники.

– Именно ксебские лучники? Конные королевские стрелки? – последовал уточняющий вопрос.

– Да, сударь, именно они. С волчьими головами.

– И что они делали, куда направлялись?

– Я этого не знаю, клянусь изваянием Духа Бриёга. Завидев их, я так испугался, что убежал. Кажется, они рубили ельник.

Аркарк начал догадываться, что Дарг прав и нечего тратить время на пустой разговор, но он решил задать ещё пару уточняющих вопросов.

– Скажи, о каких волчьих головах ты говоришь? Ведь на гербе Ксеброкса нет хищников, – заметил книгочей.

– Совершенно точно, сударь, нет, но волков я видел также ясно, как и своих овец. Красного цвета головы.

– Ладно, что говорят в Кинскгриде?

– Торговцы подняли цены на овёс. Прсят два грегера за четверть...

Аркарк послушал крестьянина ещё немного и отпустил. Скрипучая телега поехала дальше по улице, и, наблюдая за ней, книгочей думал о будущем. То, что рано или поздно соседнее королевство нарушит мир не вызывало у него удивления. «Только почему именно этой весной?» – занимал Аркарка любопытный вопрос. Сейчас Аксия казалась как никогда сильной: серьёзное укрепление военного союза с соседями даклами, заключённого ещё в 5590-м году, и окончательное подчинение земель саргов, делали северные и восточные границы вполне защищёнными. Правда со стороны моря некоторые портовые города Аксии могли атаковать сваркиты, но ввиду чумы в Унтаре их атака представлялась маловероятной, и даже если бы такое вдруг произошло, пехота короля Рочилда X быстро сбросила бы их обратно в море. Всё-таки против развязывания Ксеброксом войны, имелись определённые контраргументы.

Во-первых, существовал мирный договор 5612 года от Торжества Альтета, согласно которому аксийцы и ксебы обязывались прекратить старую распрю и не переходить общую границу по лесной реке Кон. Однако договор заключался только с княжеством Ксебия – частью нынешнего объединённого королевства Ксеброкс. И, несмотря на то, что великий князь Кседд позже узурпировал власть и покорил такие страны Ферры как Рокс, Гота, Западная и Южная Тория, договор заключался лично с ним как представителем ксебов, а, следовательно, действие договора в этом случае силы не теряло, и его общий смысл сохранялся. Конечно, тут существовал нюанс по поводу статуса лица, подписавшего договор, ведь печать прикладывал великий князь Кседд, а не король Кседд I Птичий Нос, но, тем не менее, всем казалось очевидным, что договор заключён правильно и война в связи с этим исключена.

Во-вторых, непонятно как ксебы собирались вести военную кампанию, не имея для неё значительного численного превосходства в воинах. До присоединения западных земель Ксебия была даже меньше Аксии, в том числе по количеству подданных. Конечно, Кседд мог объединёнными усилиями королевства выставить армию в сорок-пятьдесят тысяч копий, но для эффективного наступления данное количество представлялось недостаточным. Ведь для наступательной войны требовалось минимум тройное превосходство в солдатах, в противном случае атака на Аксию могла обернуться для Ксебркса бессмысленной кровавой авантюрой, а для самого Кседда поражением. Также любопытным моментом в рассказе крестьянина явилось упоминание о неких волчьих головах. Что-то похожее Аркарк уже слышал от своего друга Гриона – монаха-врачевателя при единственной лечебнице Витархема, который вместе с некоторыми братьями за небольшую плату переписывал для мечника чужеземные книги.

Книгочей отошёл от окна и направился в самый тёмный угол комнаты. Там он подтянул к себе неказистую лестницу, грубо сколоченную Даргом из берёзовых жердей, и, откинув в стороны полы кафтана, сделал по ней три шага вверх. На самой высокой дубовой доске под потолком лежало несколько пергаментных книг. Взяв одну из них, мужчина спустился с лестницы и аккуратно перенёс её на стол, по пути сдувая с деревянной обложки пыль. Потом Аркарк пододвинул сундук ближе к столу и открыл книгу, при этом несколько огорчившись, обнаружив погрызенный крысами край. В историческом издании, переписанном Грионом с оригинала, в разделе истории ксебо-аксийских войн среди геральдики, рыцарских родословных и описаний сражений значилось краткое упоминание о красном трёхголовом волке на золотом поле – эмблеме конных лучников Готы. Дважды перечитав страницу с данным пояснением, Аркарк задал себе наводящий вопрос: «Что мог делать отряд Тени в окрестностях Кинска?» и сам на него ответил.

О готском князе Муунге по прозвищу «Тень» книгочей несколько раз слышал в дорогой столичной таверне «Жирный гусь». Аксийские купцы, имевшие с князем торговые дела, рассказывали о нём как жестоком и могущественном хозяине Гутунса – портового города западноксебского княжества Гота. Ходили слухи, что Тень не брезгает торговать со сваркитами, содержит все меняльные лавки на побережье Снежного моря и даже чернокнижничает. Так

или иначе, но Муунг действительно являлся самым богатым ксеброкским подданным и даже кредитовал собственного короля. Его тёмная слава соперничала во влиятельности с его тайным богатством. И факт дислокации элитных конных стрелков вдали от морского берега мог означать только ксебский военный поход. Но куда в таком случае собрались Кседд и Муунг, если не на аксийский Кинскрид? Может быть на даклов? Или восточнее? Сомнительно.

Тут Аркарк начал вспоминать подробности вчерашней встречи с королевским архивариусом, состоявшейся у них в окрестностях замкового сада у реки Ревире. Вальт Комр, занимающийся хранением и упорядочиванием королевских указов и писем, являлся хорошим знакомым Аркарка, и иногда заказывал ему переводы иностранных изданий. Обычно требовалось перевести книги с ксебского языка или с наречия даклов на аксийский. В свою очередь книгочей брал у архивариуса некоторые пергаменты для переписывания. На таких редких встречах между ними происходил обмен не только книгами, но и информацией, взаимно обогащающей собеседников. Разговор с Вальт Комром книгочей помнил достаточно хорошо, и мог добавить ещё один аргумент в пользу версии возможной войны с Ксеброксом. На встрече у реки Вальт проболтался о недавней попытке хищения из архива записей о тангирских рудниках и добыче драгоценного металла глисебра. Дело было так. Ночью самого последнего дня месяца снеговита несколько воров забрались по верёвкам на замковую стену, убили караульного гвардейца и, сломав дверь в Учёную башню, проникли в первую комнату архива, где их скоро обнаружила стража. Всех воров удалось заколоть на месте, но среди них оказался один родовитый ксеб по имени Гдах, известный по шраму на плече в виде рыбы. В столице Ксеброкса Никсе он держал меняльную лавку и приходился родственником какому-то тамошнему титулованному дворянину. При нём нашли кинжал и кусочек пергамента с тремя аксийскими словами: «Тангир», «рудник» и «глисебр». Архивариус сразу догадался, что конкретно искали воры и сообщил о записке королю. Таким образом, думал Аркарк, соседи могли использовать данный случай как дополнительный повод к войне по заявлению родственника Гдах. «Видимо ксебы всё-таки перешли границу, – склонялся он к версии вражеского вторжения. – А, следовательно, нужно позаботиться о безопасности Маоры, библиотеке и лошадях».

Книгочей думал о вероятной войне, пока его рассуждения не прервали медные звуки колоколов с Храма Святого Бриёга, расположенного в начале улицы Оружейников. Торговый квартал Витархема рядом с которым находился деревянный дом мечника, всё явственнее заявлял о себе, своим шумом и голосами мешая мыслям и сбивая запахами. В это весеннее утро жена Маора, беременная первенцем, отправилась вместе с соседкой на рыбный рынок, не доверяя Даргу в выборе свежей реверской форели. В доме ещё находилась старая кухарка-дакла, которую Маора привезла с собой из отцовской усадьбы в окрестностях Диккерона. Вот и вся небольшая фамилия Аркарка – почти пять человек.

Сегодня он собирался навестить Гриона в лечебнице, чтобы уговорить того переписать книгу изречений древнеаксийского пророка Ритернока с современными комментариями токинских свечников. Необходимо было перенести аксийский текст с телячьего пергамента на тонкие пластины глисебра всего за один золотой. Большую сумму за многомесячный труд он сейчас дать просто не мог, а самому за него взяться не хватало времени. Закрыв ксебскую книгу по военной истории Ферры и возвращая её на верхнюю полку, Аркарк пробежался взглядом по холодной комнате. «Нужно будет приказать Даргу принести ещё дров», – подумал он и приблизился к дощатой кровати с балдахином от насекомых, под которой стоял его второй сундук. Мысли Ритернока оказались над старыми глиняными табличками. Книгочей переложил пергамент в потрёпанную дорожную суму. После чего сняв со стены перевязь с волнистым мечом, мужчина спустился по лестнице на первый этаж. Там он обнаружил слугу, промывающего купленную шерсть, и кухарку, топящую на очаге сало для свечей.

– Дарг, нам необходимо взять повозку до Тангира и трёх лошадей, – сразу сообщил Аркарк.

Личный слуга принадлежал к той категории городских ремесленников, которые могли сделать всё: от деревянных башмаков и конской сбруи до тонкого сукна и металлической посуды. Мечник нанял этого работающего токинского крестьянина около десяти лет назад – ещё во времена молодости, сразу после первых денег, полученных от переписывания книг. Дарга пробовали обучать письменной грамоте, но почти безрезультатно – все семьдесят аксийских букв постоянно им забывались и выходили у него на дощечке одинаково не читаемыми, и Аркарк в какой-то момент бросил обучение. Зато Дарг ревностно и аккуратно прислуживал хозяину и его жене, выполняя много бытовой работы и получая за это немалое, даже для такого крупного города как Витархем, жалованье. Вот и сейчас Дарг в грубой рубахе из мешковины, вскочил и испуганно уставился на мечника, оставив занятие по подготовке пряжи:

– Сударь, неужели вы на самом деле поверили кинскому холопу?!

– Увы, очень похоже, что он говорил правду, Дарг. Война, так или иначе, должна была начаться и ксебы наверняка пойдут на Витархем, – ответил Аркарк, заглядывая в чулан. – Не сегодня так завтра.

– Но как же договор? – удивился слуга.

– Для отвода глаз, Дарг. Как только где-то появляется богатство, всегда находятся охотники на него и повод для такой охоты можно выбрать любой. Кроме того, мы с Маорой и так собирались в лето в Тангир, чтобы навестить тамошнего гостеприимного хозяина и переговорить с ним по одному делу.

– Сударь Аркарк, поедemте лучше в Токин, там сейчас очень хорошо, вы же знаете! К тому же Токин очень далеко от ксебов! – верному слуге почему-то не хотелось покидать побережье.

– Нет, Дарг, в Токин мы поедem следующей весной, если война не затянется, – ответил мечник, и строго добавил: – Запряжённая повозка должна быть готова к утру. Вот возьми монет, и сейчас же отправляйся к Восточным воротам. Позавчера я видел там торговца лошадьми лесной породы. Нам нужно два мерина и двухлеток.

Книгочей поправил меч на перевязи и собирался уже открывать дверь на улицу, как вдруг его остановила кухарка. На плохом аксийском с сильным даклицийским акцентом она спросила Аркарка, как долго они с Маорой собираются пробыть в княжестве Тангир. Услышав в ответ, что до зимы, заохала и, сделав испуганное лицо, направилась замешивать тесто для выпечки хлеба в дорогу.

Весенним пасмурным утром книгочей шёл по заляпанной грязью улице Оружейников по направлению к Храму Святого Бриёга и лечебнице, пристроенной к нему со стороны Ремесленного квартала. Городская лечебница, всегда заполненная нищими, калеками и душевнобольными, производила тягостное впечатление. Многие горожане старались обходить её стороной, чтобы в буквальном смысле не вляпаться в неприятности, но Аркарк относился к этому месту философски, понимая, что беду и смерть можно встретить в любом месте. Лечебница для бедняков потребляла много воды и поэтому её собирались переносить от рынка Торгового квартала на берег Ревиры, освободив для этого несколько ветхих домов у Медного моста, а заодно колодец на площади Бриёга, который толпа постоянно удерживала спиралью очереди. Вместе с духовными братьями монах Грион занимал большой старый дом рядом с Храмом Бриёга, выходящий на главную торговую площадь Верхнего города. Сегодня Аркарк собирался предложить другу работу на лето.

В Витархеме по десятым дням случался рыночный день. Крестьяне с товаром целыми семьями съезжались в столицу из всех уголков королевства. Безусловно, продукт, будь то молочные поросята или плетёные корзины, телега овощей или бочка мёда, можно было продать и в ближайшем городишке или крупной деревне, но всё-таки самая большая выручка выходила в таком крупном портовом городе, каким являлась столица. У местных дворян имелось достаточно грегеров для того, чтобы простой аксийский холоп взял плоды своей земли и труда

и отвёз их в Витархем, потратив на путешествие несколько дней пути. Половину даров земли, к сожалению, приходилось отдавать местному феодалу в виде продуктового налога, но всё равно кое-что оставалось. Такая вылазка, конечно, если глава хозяйства не спускал все деньги в ближайшей таверне, могла кормить крестьянскую семью два-три месяца. Хороший аксийский товар купцы могли по морю отвести куда угодно: от северных деревень варваров-саргов, питающихся преимущественно сельдью до южных и восточных морей, где жили диковинные люди с чёрным и жёлтым цветом кожи. В столице ремесленники получали железо и шкуры, ткачи приобретали ткани и пряжу, а рыцари короля Рочилда X Осторожного – коней, сбрую и многое другое. Витархем являлся большим торговым городом в Ферре, крупнее него был только ксебский Никс, с которым также активно торговали купцы жёлтых людей.

В направлении рыночной площади к лечебнице Бриёга двигалась масса людей. Аркарк шёл среди разношёрстной толпы, положив одну ладонь на рукоять меча, а второй придерживая ремень сумы с религиозной книгой внутри. Вне дома мечник, находящийся на самой нижней ступени нетитулованного дворянства, обязан ходить с личным оружием. Этому мужскому правилу, Аркарк следовал неукоснительно, так как оно один раз спасло ему жизнь, а второй – туго набитый кошелёк. Толпа простолюдинов, попавших в город через Восточное предместье, растекалась по Торговому кварталу. Покрапывал дождь.

– Эй! Прочь с дороги! – неожиданно услышал Аркарк зычный голос командира группы всадников в адрес двух телег с кувшинами молока.

Ещё подходя к площади Бриёга, он заметил как из одного, примыкающего к ней переулка, на улицу Оружейников выезжает вооружённая кавалькада. Крестьянские телеги в силу каких-то причин никак не могли разъехаться у переулка и перегородили всадникам путь.

– Давай пошевеливайся!

Длинная плётка поочерёдно проехала по спинам деревенских лошадей и способствовала освобождению проезда. Размахивающий ею рыцарь являлся одним из знакомых Аркарка и однажды помог книгочею доставить несколько книг в Фоон. У знаменосца, следовавшего сразу за командиром всадников, на копье развевался красно-синий королевский вымпел с якорем, елью и пером.

– Приветствую вас, милостивый государь. Куда вы так торопитесь таким прекрасным весенним утром? – поздоровался мечник с рыцарем, обратив внимание на полное вооружение знакомого.

– Вы, Аркарк? Будь оно проклято это утро, сударь, мы едем очищать Кинскгривский лес от разбойников! – сообщил капитан, поворачивая голову лошади в сторону Южных ворот.

– Неужели кинские хуторяне недовольны новым коровьим налогом его величества?

– Да, сударь, поэтому я и вынужден покинуть Витархем и опять бегать по лесу! – группа пересекла площадь Бриёга и поскакала по бульжнику к городской стене.

– Удачи вам, капитан, – крикнул вслед Аркарк, а про себя негромко добавил: – На войне...

Вооруженные вилами и косами кинские крестьяне, часто малоземельные, действительно представляли собой некоторую опасность, но только для одиноких путешественников, пьяных и богатых торговцев. И, несмотря на то, что король, которого Аркарк втайне считал нерешительным и трусливым монархом, брал с них две коровьи шкуры в год, разогнать разбойников силами местной кинской хоругви представлялось довольно простой задачей. Но, возможно, Рочилд владел другими сведениями и стягивал войска к южной границе. К границе с Ксеброксом.

2. Птичья кость

Разогнав копошащихся в канаве кур, Аркарк пересёк площадку перед домом монахов, и спросил у прислуживающего бедняка, находится ли дома брат Грион. Получив в ответ сообщение о том, что святобригеец работает на пустыре за лечебницей, книгочей сразу отправился туда.

Площадь Бриёга и рынок на ней застроились домами и лавками по всему кругу. Здесь можно было купить любой продовольственный товар кроме даров моря, продававшихся отдельно в Рыбацком предместье города. Жаром раскрытых дверей таверны приглашали приятно и вкусно провести время. Приезжие крестьяне и городская беднота постоянно крутились на площади радиусом в сто больших шагов и всё время тут что-то меняли, продавали, покупали и воровали. Здесь же иногда проходили казни, устраивали представления бродячие плясуны, пели барды и вещали проповедники. Большое количество услуг, оказываемых рынком Торгового квартала, приводило к тому, что площадь Бриёга посещали и зажиточные горожане, в том числе дворянского происхождения с целью смешать лекарство, заказать платье или доспех, изготовить дорогое украшение или седло для коня. Фамилия Аркарка покупала тут только овощи, муку и мёд, несмотря на изобилие другого продовольствия. Также с позволения хозяина Дарг торговал здесь восковыми дощечками, стилусами, листами пергамента и тайком пластинами глисебра для нанесения букв и чтения.

Глисебр – замечательный новый металл случайно открыл один кузнец из провинции. Этот полудрагоценный металл светло-серого цвета, с виду напоминающий серебро, но намного легче, Аксия выплавляла последние двенадцать лет в горах княжества Тангир и весьма на нём богатела. История открытия глисебра являлась одной из самых таинственных в новом столетии, и брала своё начало летом 5603-го года. Легенда гласила, что однажды в местную оружейную кузницу во время ночного дождя влетела молния и полностью сожгла её. А утром кузнец среди головешек и почерневших обломков нашёл кусок странного лёгкого металла величиной с лесной орех. В кузнице до пожара оставалось много болотного железа, угля, образцов всякой руды, алхимические смеси, и что с чем смешалось, осталось загадкой. Долгое время кузнец ломал голову, как получился новый удивительный материал, но не находил ответа. Кусок металла, названный глисебром в честь старшего сына, он подарил князю Тангира и попросил у него дерева и рабочих для строительства новой кузницы, в которую собрал по памяти все материалы и вещества, использовавшиеся им ранее. После долгих стараний и попыток толковому кузнецу всё-таки удалось понять, как и из чего получается глисебр и Тангир разбогател. Рецепт изготовления глисебра, из которого король Аксии сразу распорядился чеканить монету номиналом в два и пять грегеров, сразу стал государственной тайной. Рочилд X приказал, чтобы Вишкуд – князь Тангира и господин Гифлорских рудников, спрятал находчивого кузнеца в своём родовом замке, и теперь каждый год от королевской казны в Гигрид шёл крупный заказ на бруски глисебра.

Легко царапающийся мягкий металл, выплавлявшийся в том же количестве, что и серебро, быстро набирал популярность и возвысил Аксию в глазах соседей, а для Ксеброкса стал предметом чёрной зависти. Кроме того, у глисебра обнаружилась высочайшая ковкость, позволяющая получать из него тонкие листы, используя при этом незначительное количество металла. Мягкость материала пригодилась для написания текста, а точнее царапания на нём букв, чем буквально открыла новую страницу в книгоиздании. Доселе почти исключительно пергаментные книги сейчас выходили на тонких прямоугольных глисебровых пластинах, и имели ряд преимуществ перед старыми: вес, относительная дешевизна и удобство. Написанный на них текст можно было большое количество раз переписывать и стирать, они не сгорали, их не портили мыши, они не боялись времени. Аркарк знал, что с каждым годом

производство глисебра росло, и считал, что будущее книгопечатания исключительно за этим серо-белым металлом. Сам он покупал тонкие пластины размером с одну книжную страницу на королевском дворе по строго установленной цене пятнадцать грегеров за десяток. Пластины продавали только дворянскому сословию.

Для того чтобы попасть на пустырь за храмом Аркарку пришлось пройти через ряды суконных и полотняных лавок, и повернуть направо к лечебнице, которую трудолюбивые витархемцы сложили сто лет назад из серого природного камня. Неподальёку от стен храма на земле сидела группа из нескольких нищих, обёрнутых, вероятно, в выловленные из Ревиры тряпки, и слушала какого-то бродячего проповедника. Обвязанный верёвками по голому телу и с куском железной цепи на шее, он низким каркающим голосом что-то громко вещал о кровавой луне. Сначала книжник хотел пройти мимо, но несколько слов, брошенных в толпу нищим бродягой, заставили его замедлить шаг и немного прислушаться. Худой человек непонятного возраста напоминал ему одного из тех рабов, которых он видел в детстве на купеческой пристани Токина. Тогда отец Аркарка выкупил их у сваркитов всего за горсть серебра. Видя проходящего мимо мечника, сумасшедший закричал ещё громче, надеясь быть услышанным среди множества звуков рыночной площади:

– И когда в Аксию придёт красная смерть, то воцарится Хаос, и Луна закроет собой треть неба, а от костров ночью станет светло как днём, тогда волки выйдут из лесов и уничтожат города...

Услышав второй раз за одно утро о волках из лесов, Аркарк внутренне напрягся. Конечно, для витархемских нищих этот грязный оракул может и представлял собой некоторый интерес, так как не утратил в скитаниях разум и ещё мог продать свои речи в горсть медных монет. Но для мечника вещание бородатого безумца казалось бредом, и если бы не упоминание о волках он вообще не обратил бы на него внимания. Однако данное совпадение являло собой некоторую подсказку как подтверждение его мыслям о вероятной войне с Ксеброксом. Скорее всего, он догадался правильно и надо ехать в Тангир, чтобы, во-первых, вывести Маору и книгу в безопасное место, если война начнётся, и, во-вторых, заручившись согласием князя Вишкуда попробовать организовать там давно задуманную книжную мастерскую, в случае, если войны всё-таки удастся избежать. Аркарк прошёл мимо сумасшедшего, свернул за угол, а в затылок ему словно стрелы полетели последние слова уличного проповедника.

– Луна побагровеет от крови и заслонит собой железное Солнце!

Насчёт луны он сильно сомневался. Больше, чем есть, она точно не станет. Бело-серебристое во вмятинах небесное тело и так было размером с пшеничную лепёшку, занимая небольшую часть неба, а сквозь залитые кровью или вином глаза любой предмет покажется алым, красным или багровым.

Шум рынка немного стих. Теперь книгочей шёл вдоль плетёного забора, ограждающего Храм Бриёга от остальной городской застройки на пустырь за лечебницей. Деревянные башмаки Аркарка по самые борта тонули в жидкой после ночного дождя глине, а длинный дорожный плащ с капюшоном иногда касался полами луж. Приподнимая плащ до колен, чтобы лишней раз не испачкаться, Аркарк пересёк крапиву и малинник и обнаружил друга, сажающего в вязкую землю кусты розы. Грион ловко подрезал кустикам корни и аккуратно размещал саженцы на холмиках в мокрых ямах. Одежда старого монаха оставляла желать лучшего. Вся перепачканная глиной, она состояла из двух грубых и рваных туник, одетых одна поверх другой и перевязанных отрезком тонкого каната. Когда Грион опускал саженец в яму, его длинная рыжая борода также опускалась на дно, отчего её кончик вскоре стал твёрдым и острым. Давний друг и коллега Аркарка отличался глубокой мудростью, безграничным спокойствием и принадлежал к святобригейцам – пророческо-аскетическому направлению беловерья, разделяемого всеми жителями западной и центральной Ферры. Увидев прыгающего через лужи мечника, монах поднялся с колен, отряхнул одежду и улыбнулся.

Грион родился в Ферре, омывтой с севера Снежным морем, а с запада и юга – Зелёным океаном, пятьдесят восемь лет назад. История его появления в Аксию заслуживает отдельного упоминания. Юго-восточнее бескрайних лесов соседней Даклии лежали степные и полупустынные земли Восточной Тории, населённые разными кочевыми народами. После протяжённых и безлюдных земель, жарких и бесплодных пространств начинались вассальные земли жёлтых людей, а затем сразу за Колючими горами далеко на восток до границ малоизвестного Чёрноземья раскинулась их мощная империя Зан. Грион должен был родиться именно там, но по иронии или точному расчёту судьбы так не произошло. Его молодая мать влюбилась в аксийского купца и покинула родной Зан. Она прибыла в Витархем на торговой галере вместе с грузом пряностей и тонких цветных тканей. Красивая жёлтая женщина с роскошными волосами ступила на пристань витархемского порта уже беременной. Произошло это в далёком 5557 году. Тогда купеческий флот Аксию, обогнув самую западную точку Рокса, ныне подчинённой ксебам страны, после долгого плавания по Зелёному океану, наконец, достиг Зана и начал предлагать там свой самый качественный товар: мех, мёд и масло. В обмен на такую продукцию могущественные жёлтолицы князя, помимо шёлка и камней, давали рабов: крепких парней из племён, покорённых в завоевательных походах у Колючих гор, и собственных девушек, нарушивших любой из законов Зан. Молодому аксийскому купцу представился удобный случай и, обменяв приглянувшуюся рабыню на бочонок мёда, он посадил её на корабль. Через три месяца по прибытии в аксийскую столицу жёлтая женщина родила мальчика, однако вскоре после этого смертельно заболела. Похоронив любимую по аксийскому обычаю, купец отдал ребёнка в местный монастырь и, набрав товар, снова отправился в далёкую экзотическую страну искать счастья.

Грион обучился в Витархемском Белом монастыре всему, что требовалось монаху: чтению, письму и счёту, духословским и иным знаниям, песнопению, а также физическому труду. После пятнадцати лет обучения из Белого монастыря, располагавшегося сразу за Южным предместьем столицы, вышел молодой монах, готовый на многое ради торжества Духа Бриёга, охраняющего всё живое и, прежде всего, человека от саморазрушения. У него, как и у любого монаха после получения высшего духовного образования, имелось два основных пути. Либо обратиться к епископу и стать служителем одного из столичных храмов, а затем жрецом и выше, либо пойти по неофициальной, но более уважаемой святобригейской линии и обратиться в свечники, чтобы затем претендовать на скитника и старца. Однако смуглый выпускник Белого монастыря так и не выбрал ни одного из обычных в его положении путей и навсегда остался простым монахом. Сначала Грион странствовал по Ферре, а затем навсегда поселился в столице, где жил уже много лет, иногда переписывая книги и сражаясь с болезнями и сорняками при лечебнице Святого Бриёга.

Весной текущего 5615-го года им овладела мысль сделать на месте пустыря пышный розарий, и поэтому сейчас стоя на коленях над очередной ямой, он пытался как можно аккуратнее разместить в ней розовый куст. Грион услышал за спиной чавканье башмаков и обернулся. Аркарк приближался к нему.

– Приветствую, ваше святейшество! – крикнул книжник за двадцать шагов до монаха.

– Привет и тебе, друг мечник! Однако постарайся больше не приветствовать меня как Первосвященника, – заметил Грион, очищая рукав от глины.

– Отчего же? – с весёлостью спросил подошедший книгочей, и на мгновение положил руку ему на плечо. – Неужели ушлые слуги Визирдана рыскают и здесь?

– Первосвященник считает, что должен знать абсолютно обо всех делах, происходящих с участием его подопечных и тебе, Аркарк, это хорошо известно. Его святейшество будет крайне недоволен, узнав, что часть мёда, собранного его пчёлами со сладких цветов, уносится в другой улей, – последние слова Грион проговорил книгочею, оглядываясь по сторонам.

Монах не считал лишним напомнить другу, который явно принёс новый заказ, что вообще-то только с одобрения епископов можно было приниматься за переписывание книг и брать в руки перо или стилус. Грион в совершенстве владел ксебским языком и поэтому за ним присматривали витархемские епископы. Дополнительный интерес к личности монаха с их стороны возник также ввиду того, что он во времена своей юности по непонятным для церкви причинам отказался сразу от двух возможных карьерных линий, чем вызвал недоумение и подозрение в сектантстве. Грион догадывался, что один из братьев сообщает главе Белого монастыря о самых любопытных событиях в лечебнице. По этой причине он опасался разговаривать открыто и употреблял иносказания, придуманные вместе с книгочеем, называя деньги мёдом, а религиозные книги – сладкими цветами. Грегеры, получаемые от работы на Аркарка, требовались ему для покупки еды и снадобий в лечебницу, на которую из королевской казны отпускались жалкие крохи.

С мечником, профессионально занимающимся переписыванием и продажей книг, они познакомились ещё молодыми на философских испытаниях учеников монастырской школы города Токина. Тогда странствующий по Акции святобригеец распознал в юноше недюжинный ум. Через много лет они неожиданно встретились в столице королевства и, обнаружив друг в друге единомыслие, подружились и стали вместе трудиться над книгами, иногда привлекая к работе надёжных людей.

– Как здоровье твоих пчёл и муравьёв? – спросил Аркарк, используя иносказательную лексику.

– Пчёлы в порядке, слава Бриёгу, и ждут новых весенних цветов, а муравьи работают в лечебнице как проклятые. К сожалению, в городе появилась новая болезнь, и мы пока не знаем средств борьбы с ней, – поделился известием Грион.

– И в чем её новизна? Жирный кот ещё не истребил всех крыс в порту? – спросил книгочей.

Большой или ленивый кот на языке двух друзей означал непосредственно Рочилда Х Осторожного. Аркарк не питал положительных иллюзий в отношении своего монарха, славившегося бездельем и обжорством, и не стеснялся в этой связи лишний раз в частной беседе заочно его уколоть. Грион же считал, что к королю стоит относиться более лояльно и уважительно, и поэтому поморщился.

– В город чёрная болезнь проникла под туникой одного моряка, недавно вернувшегося из Зана. Впервые её обнаружили в районе портовой таверны «Добрая сардина», где она и сейчас отправляет рыбаков в объятия смерти.

– Это очень грустно, брат Грион, – книгочей мгновенно посерьёзnel. – Раз так, то болезнь соберёт богатую жатву в нашем славном городе, итак пострадавшем от прошлогодней вспышки чумы. Что же теперь опять не стоит покупать мясо?

– Мясо, друг Аркарк, вообще не стоит того, чтобы его покупать, – заметил бородатый Грион.

– Есть соль в твоих словах, брат. Однако завтракал ли ты сам этим утром? – участливо спросил книгочей.

– О, да. С первыми лучами солнца Бриёг даровал мне краюху хлеба и гусиное яйцо, и я поблагодарил Духа, прочитав свою собственную молитву.

– Хм, если бы ты читал не собственные молитвы, а те, которые каждое утро произносятся за столом Первосвященника или которые записаны в священной Белой книге, то Бриёг угостил бы тебя половиной жареного гуся или рагу из лучшей фоонской оленины. Да вдобавок налил бы ячменного пива.

– Тогда бы я перестал быть монахом Грионом!

– Истинно так, поэтому я и пришёл к тебе, чтобы дать жизнь одному хрупкому и сладкому цветку.

– А сколько пчёлы могут собрать с него мёда? – спросил монах, прикидывая ближайшие расходы на лечебницу.

Иносказательная беседа двух старых друзей продолжалась ещё некоторое время, в течение которого монах узнал от мечника срок переписывания изречений Ритернока. Затем он получил от Аркарка кожаную книгу, завёрнутую в два слоя чистой ткани, а также аванс в размере пяти серебряных монет по три грегера каждая с изображением «жирного кота» на одной стороне и гербом Аксии на другой. Толстые свечи и пластины глисебра, на которых Грион должен был ночами царапать бессмертные слова пророка, Аркарк собирался прислать ему вечером домой вместе с Даргом. Затем книгочей рассказал о собственных подозрениях относительно вероятной войны с ксебами.

– Верю тебе, друг Аркарк, но я не боюсь войны, и подчиняюсь только Духам: Альтету-Творцу и Бриёгу-Хранителю, да снизойдёт их милость ко всем нам. Хотя я сообщу о твоих соображениях хорошим людям, чтобы они смогли подготовиться, – заметил монах.

– Как знаешь, Грион, но красные волки уже переходят Кон, – мечник собирался уходить.

– Ты говоришь о ксебских солдатах? – спросил монах, наклоняясь за очередным саженцем.

– Я говорю о гутунских лучниках, – тихо ответил Аркарк. – А они, знаешь ли, не все приветствуют святобригейцев.

– Поклонники Грёнрика мне не страшны, – ответил брат Грион, прижимая к себе полученную от мечника книгу, и добавил: – Сладкий цветок мы постараемся вырастить к концу лета. Кстати, куда ты его хочешь пересадить?

– Подарю хозяину леса, – ответил Аркарк, имея в виду тангирского князя.

– О, Бриёг! С каких это седовласых времён лесной господин заинтересовался мудростью Ритернока?

– С тех самых, Грион, как у него появилось много белого хлеба, а элманский граф начал присматриваться к красным волчицам, – сообщил книгочей политическую обстановку на юго-востоке Аксии и поделился своим замыслом: – Я собираюсь к лесному господину на всё лето, у меня есть мысль построить там улей. А сейчас желаю тебе удачи, друг! Встретимся в орех-месяце...

Под белым хлебом друзья подразумевали металл глисебр, выплавку которого Гигрид увеличивал из года в год. Пожелав Аркарку доброй дороги, Грион тепло попрощался с ним и продолжил занятие по засаживанию пустыря белыми розами. Когда книгочей отошёл несколько шагов в сторону рынка, монах глянул ему вслед. Его молодой друг удалялся и может быть навсегда. В воздухе что-то чувствовалось, какое-то изменение, некий ветерок серьёзных событий. Казалось, что будет гроза. Грион поднял взор на небо. Заметив там наступавшую с моря серую тучу, он неожиданно обратил внимание на ворону, присевшую на скат черепичного купола храма. Испугавшись взгляда человека, чёрная птица взмахнула крыльями, лениво оторвалась от крыши и неторопливо полетела над пустырём. Вдруг из её клюва выпал мелкий предмет и совершенно случайно упал прямо Аркарку на шляпу. Книгочей сначала не понял, что произошло, сразу схватился за меч, но тотчас успокоился, заулыбался и, подняв предмет с земли, крикнул:

– Эй, Грион, смотри, ворона обронила на меня косточку!

– Это знак, Аркарк! Будь осторожен! – ответил монах, а про себя тихо добавил: – Да прибудет с тобой Святой Дух.

С Аркарком такие случайности происходили достаточно часто для того, чтобы начать их запоминать и записывать. Как человек с религиозным образованием и книжник, он понимал всеобщую взаимосвязь и упорядоченность всех событий и явлений в Мире. Он верил Альтету, как ему говорили токинские учителя, и имел представление о некоторых таинственных знаках-следах, которые он оставляет, управляя королями и рабами, кораблями и ветрами, соло-

минками и дубами. Эти знаки мечник называл «неслучайностями» и вёл их учёт – записывал в глисебровый дневник, называемый «Книгой Аркарка о неслучайностях с ним происходящих», как было записано им же самим на кожаной обложке. Такую книгу он писал довольно давно, занося туда в хронологическом порядке свой индивидуальный опыт общения с Творцом в виде необычных событий, таинственных подсказок и знаков свыше, ибо считал, что сам Альтет лично сообщает ему то, что он должен сделать или изменить в своей жизни, чужой, другой, любой. В представлении Аркарка Творец не владел аксийским языком и поэтому общался с людьми и с каждым человеком только таким образом.

Главная цель книгочехя при ведении дневника наблюдений не противоречила основным философским задачам мыслителей того времени и состояла в поиске объективных доказательств бытия Творца всего сущего. Утверждение, что всё живое в мире создано Альтетом, поддерживало как беловестье, наиболее распространённая в Ферре мировоззренческая система, так и некоторые отколовшиеся от неё секты. К последним у Аркарка религиозные претензии отсутствовали ввиду обстоятельства жёсткого и неумолимо точного следования их адептами собственным рукотворным догматам, что ставило их вне рациональной критики. Мысли лунопоклонников, благо Луна над Феррой занимала тридцать шестую часть небосвода, или идеи свидетелей Грэнрика – Духа разрушения, или экзотические культы Зана не отвечали на ключевой вопрос: как именно Альтет одновременно руководит всеми живыми существами, учитывая их бессчётное количество, многообразное качество и разный уровень разума, а лишь запутывали ищущего.

Широко действующее в Акси, Ксеброксе и Даклиции беловестье, мечник находил лукавым и частью ошибочным. Оно представляло ответ на этот волнующий вопрос образом многоступенчатой лестницы, с вершины которой идёт решение Альтета, обязательное для исполнения всеми нижележащими уровнями. В противном случае их ждёт наказание копьём Грэнрика. Согласно беловестерскому учению мироздание устроено так: наверху находится могущественный Альтет – Дух-Творец и Вседержитель, сразу за ним следует Святой Дух Бриёг, ответственный за течение жизни, здоровье и безопасность людей, а замыкает Дух разрушения Грэнрик, исполняющий указания Альтета и советы Бриёга, пресекающий и карающий любую живую тварь за малейшее неповиновение. Середина лестницы мироустройства отражала собой вертикальный срез любого человеческого общества по нисходящей линии – от королей до рабов, а нижняя её часть начиналась одомашненными животными и заканчивалась земляными насекомыми. Немногочисленные сектанты Акси, обитающие преимущественно в крупных городах, не соглашались с таким положением дел, считая королей и рабов равными друг другу, за что их отлавливали гвардейцы и вешали с благословления епископов на площадях головами вниз. Часто в таких богоугодных событиях принимал личное участие и Первосвященник Аксийской церкви Визирдан.

Беловестье также утверждало, что Альтет троелик – сочетает в себе сразу три Духа или три мужских характера и, подобно природе, циклически сменяет гнев на милость, суровость на любовь, зиму на лето. Что он может одновременно иметь лик мудрого старца, солнечного луча, красивого юноши и переживает все человеческие чувства и страсти. Однако с такой трактовкой Аркарк внутренне не соглашался. Интуитивно она представлялась ему сомнительной, так как физическое подражание и показательные метаморфозы высшему личностному существу без плоти были, в общем-то, ни к чему. По мнению мечника доказательства своего бытия Альтет раскрывал каждому человеку, предоставляя тому на веру особенные неповторимые знаки, индивидуальные подсказки или устраивая невероятные совпадения. В отношении деятельности людей Дух поступал подобно птичнику, выпускающему стаю молодых гусей на сочный летний луг, и вмешивался в человеческую жизнь только в главные и поворотные моменты бытия, когда возможны ошибки и опасности.

Втайне книжник полностью отрицал надмирное существование Духов Грэнрика и Бриёга, считая этот догмат хитростью епископов для введения народа в заблуждение. И если Грэнрик действительно родился человеком и жил в Тории, о чём сохранились даже письменные свидетельства, то Бриёг являлся очевидной, хотя и полезной, выдумкой. Аркарк основывал такой вывод на личном опыте и чужих наблюдениях, и пришёл к мысли, что Бриёг с Грэнриком отнюдь не сакральные Духи, а человеческие чувства и сидят они не у подножия небесного трона, но внутри людей и по-разному отвечают Альтету на его волю. Вот как раз для различения истины Альтет и посылает всякому духовно страждущему знаки в форме неслучайностей, чтобы человек что-то изменил в себе и вернулся на прямую дорогу. Аркарк был уверен, что способность увидеть знак в любом событии изначально заложена Творцом в сердце каждого человека. О таком абсолютно нетипичном для Акции веровании книгочея знала только Маора и частично Грион. Высказывать публично такие суждения в те времена значило прожить очень короткую жизнь, поэтому Аркарк носил свою веру глубоко внутри, но часто совершал поступки, согласуясь с ней.

Когда мечник пересекал торговую площадь, направляясь в порт, то стороны овощного ряда к нему бросилось несколько бездомных мальчишек. Он кинул им два медных кроша. «Надо будет записать данный случай в дневник. Но чтобы всё это значило?» – сходу пытался растолковать мечник очередной мистический знак. Согласно собственной классификации все происходящие с ним неслучайности делились принципиально на два рода: предупреждения о грядущем и подсказки вообще. Хотя он мог предположить ещё и исправляющие деятельность знаки в качестве третьего неявного типа. Аркарк знал, что если сможет разделить подсказки ещё на несколько подвидов, то будет получать от Альтета и их. Главное верить.

Куриную по виду косточку, сброшенную на него вороной с высоты купола храма, он положил в суму, чтобы дома внимательнее её рассмотреть и показать жене. Книгочей вдруг вспомнил, что предыдущий знак-подсказку ему удалось разгадать. Произошло это во время зимней поездки на северное побережье. Последняя запись в книге наблюдений гласила: «*Когда после трудов твой день колодец завершит, то в ледяной воде найдёшь призвание своё*». Такая поэтизированная строка появилась вскоре после того, как Аркарк, находясь в Токине и утомившись от книжных дел, решил вечером сходить к колодцу, из которого пил воду ещё мальчишкой. Зачерпывая воду, он обратил внимание на сухой берёзовый лист, неизвестно как попавший в ведро и плавающий на поверхности. Минувшей зимой он озаботился трудностью выбора темы для умственных изысканий и засохший лист тонкими прожилками намекнул на ответ. Если представить Альтета в виде незримого глазу корня дерева, то его замысел будет отображён в виде прожилок листа, подумалось тогда, и Аркарк увлёкся поиском торжества этой идеи. Обронённая вороной кость также являлась каким-то ключом.

Аркарк догадывался, что все посланные подсказки в совокупности представляли собой косвенный способ изменения действий человека в соответствии с неким Замыслом. Именно так, по его мнению, через такой образ и путь, Альтет осуществляет контроль над живыми существами, но пока доказать сию мысль не мог – ведь, считал он, у каждого собственные знаки. Кроме того, собранные в «Книге Аркарка» доказательства другим людям могли показаться неубедительными, хотя для самого книгочея они содержали сильные совпадения и удивительные неслучайности, поражающие сознание глубиной мистицизма.

Мальчишки скрылись за поворотом, рынок также остался позади. Аркарк покинул шумную площадь, наполненную криками о лучших товарах Акции, и направился в таверну «Жирный гусь», чтобы перед поездкой в Тангир встретиться там с поставщиком.

3. Два гонца

Его величество король Аксии Рочилд X Осторожный сегодня проснулся очень поздно. Сквозь дубовые ставни окон давно светило весеннее солнце и слышалось пение птиц. День был в разгаре, а значит, следовало вставать и править на благо страны.

В опочивальне задрапированной элманскими зелёными тканями, среди паутины кружевного белья стояла, похожая на золочёную ладью, большая королевская кровать. Опираясь на шесть когтистых лап, она плыла среди бело-зелёной пены тончайших занских лент, купленных за очень высокие столбики серебряных монет. На кровати помимо Рочилда лежала голая фаворитка короля – младшая из фоонских графинь и тётка Аркарка, недавно приехавшая в Витархем из холодного Фоона. Женщина проехала верхом около семисот пятидесяти вёрст, чтобы попасть на аудиенцию, но, оказавшись в непосредственной близости к королю, так и не решила через него свой вопрос относительно имущества на спорной территории. Речь шла о такой малости как подлежащая вырубке берёзовая роща на самом краю графства. Соседский барон из Северного Тангира не постеснялся первым послать туда лесорубов, чем вызвал в Шваце праведный гнев. В столице молодая графиня потратила много денег и целый месяц добивалась того, чтобы король стал на её сторону, но Тангир значил для Рочилда куда больше и, рассуждал он, если древесный уголь понадобился барону для последующей передачи в Гигрид, то так тому и быть. Не заручившись поддержкой монарха, уязвлённая женщина пошла на крайние меры и сейчас спокойно сопела на мягких подушках. Ревности супруги Рочилд ни в коем разе не боялся. Королева давно спала в другой спальне. Последние года её величество вовсе не интересовало, как ненаглядный супруг проводит весенние ночи – она никогда не любила Рочилда, и даже появление наследника ничего не изменило в её чувствах.

Король потянулся и, распахнув прозрачный балдахин, с зеванием слез с ложа. Рочилд X был доволен собой и королевством. Мир с Ксеброксом, прочный союз с даклами, долгая дружба с саргами и растущая добыча глисебра не оставляли в этом никаких сомнений. Страна богатела и королевский двор вместе с ней. Аксия успешно торговала, число подданных неуклонно росло, и последние года в королевстве собирали неплохой урожай пшеницы. Торговые и дипломатические связи с жёлтой страной укреплялись и развивались. Правда короля и придворных советников несколько беспокоила мощь и быстроходность занского флота, однако опасность вторжения представлялась настолько же маловероятной, как и рождение двухголового телёнка. Здесь больше нужно было опасаться ксебам. Огромные водные просторы Зелёного океана самим своим существованием препятствовали завоевательным мыслям тех занских полководцев, которые вознамерились бы укутить Аксию, а уж перебросить жёлтую армию по суше через Колючие горы и пустыни представлялось вообще безумством.

С Даклицией и Саргией прочные отношения длились давно и даже некоторые их вожди уже приняли беловерье, пока, правда, только номинально, но тем не менее. Ну и наконец, отвратительный Птичий Нос, кажется, признал Аксию в качестве богатого и могущественного соседа, хотя Кседд значительно укрепился за счёт прошлогоднего захвата Рокса и объединения с княжеством Гота. Немного неприятными факторами продолжали оставаться сваркитские пираты, грабящие купцов и рыбаков, да степные кочевники, но последние виделось Рочилду мелкими брызгами, не долетавшими даже до кончика хвоста королевской лошади.

Рочилд X поднял с пушистого ковра колокольчик и несколько раз потряс им в воздухе. Прошёлся по спальне. Остановившись перед висевшей на стене огромной белой шкурой, он очередной раз удивился, каких сильных хищников добывают сваркиты где-то далеко на севере Ферры, на краю Ледяной земли. Шкура белого медведя занимала половину стены спальни и казалась сделанной из самого снега. Этот подарок он получил в 5612 году от ксеброкского

посла князя Муунга Гутунского вместе с предложением заключить мирный договор. В нескольких местах шкуру успела поточить моль.

Единственная дубовая дверь отворилась, и в опочивальню забежали два пажа вместе с согнутым постельничим. Они коротко, но громко поприветствовали короля. Рочилд бросил старику колокольчик, а мальчики взяли короля за руки и вывели в соседнюю комнату. Там его на коленях дожидался стряпчий, удерживая на вытянутых руках отделанную золотом до пят шёлковую тунику. Пока короля водили в уборную, опускали в большую бочку с подогретой водой, а после долго и навязчиво одевали, он невнимательно слушал о городских событиях, мысленно спрашивая себя, мясо какой именно дичи ему подадут сегодня на завтрак. Здоровых зубов у тридцатисемилетнего короля оставалось мало, впрочем, как и волос на голове.

– А что же? Её величество не будет с нами вкушать? – спросил Рочилд, поднимая вверх руки в момент, когда оружейный паж пытался надеть на него глисебровую кольчугу из мелких двойных колец.

– Королева изволила сообщить, что ей болит голова, и она сегодня не покинет женскую половину замка.

– Как жаль, как жаль, – с улыбкой проговорил король и добавил: – Где принц Альд?

– Ваше величество, он ждёт вас в трапезной вместе со всеми, – ответил стряпчий. – Извольте выслушать, что происходит в королевстве и у соседей?

С неудовольствием король взмахнул рукой в воздухе, слегка уколовшись об украшение короткого плаща. Он присел на низкий сундучок, покрытый нежнейшим аксийским полотном, вытянул ноги для того, чтобы на них надели красные бархатные штаны и шитые с бисером мягкие башмаки.

Неопределённый взмах королевской руки советник принял за согласие и зачитал с пластины последние известия: о нападении галеры сваркитов на рыбацьи плоты у Каменного клюва в Тамае, о желании графа Лэ жениться на одной ксебской баронессе, о голодающих крестьянах Фоона и, наконец, о разбойниках Кинскгридского леса. Последняя новость заинтересовала Рочилда больше всего. После прошлогоднего указа повышающего вдвое налог на говядину и шкуры, кинские крестьяне словно превратились в безумцев: стали убегать в леса, резать скот и даже убивать сборщиков податей. Самым странным здесь являлось то, что королевской воле сопротивлялись только деревни расположенные вдоль границы по берегу Кона, сообщал кинский князь в письме королю. Бунтующих крестьян Рочилд сначала презирал и стриг налог с их хозяйств до тех пор, пока недавно они не разорвали надвое княжеского сборщика налогов, привязав за ноги к двум согнутым берёзам по дороге на Бирче. Узнав о происшедшем, король направил в Кинск конную группу под командованием опытного рыцаря. Случилось это вчера.

Выждав, когда его тело облачат в богатые и блестящие наряды, Рочилд X принял на голову зубчатую корону и в сопровождении пажей вышел из одеальной в замковый коридор, охраняемый рослыми гвардейцами в кожаных доспехах и красно-синих плащах. Здесь монарха ожидали Первый и Тайный советник, оба в графском титуле. Они почтительно поклонились и заискивающе поинтересовались здоровьем короля. Рочилд поморщился. Советников, доставшихся ему от отца, он не любил. Старики-графы являлись компетентными каждый в своей области и часто отвлекали его государственными заботами от приятного времяпрепровождения в виде охоты и пиров. Вот и сейчас один из них настойчиво пытался убедить короля в целесообразности замены непопулярного в Кинске коровьего налога похожим охотничьим.

– Ваше величество, поймите, что тем самым мы попробуем приручить беглых холопов и займем от них больше выгоды, чем просто повесим их вдоль дорог. Позвольте мне рассчитать, сколько оленьих туш и медвежьих шкур Аксия получит за год в таком случае?

– Кстати, граф, сколько этих разбойников? – поинтересовался король, гордо шествуя по коридору в направлении трапезной.

– Князь Салмаре докладывал нам о десятке южных деревень. Около пятисот крестьянских душ, – сообщил Первый советник короля.

– Почему только южных? – задал король резонный вопрос. – И почему мы вчера послали только одного рыцаря?

– Ваше величество, поверите ли, но в ксебском Бо крестьяне вообще не отдают дворянам скот! – ответил Тайный советник. – А рыцарь с группой нужен Салмаре только для охраны дороги на Витархем. У князя самого достаточно солдат, чтобы самому разобраться с разбойниками.

– Не отдают скот?! А что отдают?

– Зерновую подать и каменные работы по возведению мостов и стен.

– Любопытно, но продолжим за трапезой! – провозгласил Рочилд и перед входом в зал постарался придать своему лицу гордое и самоуверенное выражение лица.

Король Аксии часто потчевал гостей в витархемском замке. За роскошной трапезой, продолжающейся порой до ночи, обсуждалось большинство государственных дел. В таких совещаниях всегда принимали участие, как тайные советники, так и многочисленные явные. Сегодняшний день обещал отсутствие срочных дел, судов и аудиенций и Рочилд предвкушал после завтрака весёлую охоту на лесных быков с последующей дегустацией новых сортов вина. Под высокопарные возгласы «Слава королю!», он торжественно прошёл в большой и полутёмный зал, увешенный оружием и рогами диких копытных. У каждой входной двери в трапезную стояло по два гвардейца-мечника и после церемонии приветствия они пропустили знать к накрытым столам. Король сел во главе сдвинутых столов на могучий резной стул, вытесанный из целого комля дуба. На спинке древнего стула виднелись, украшенные серебром гербовые изображения совы, якоря и пера, расположенные треугольником. По правую руку короля разместился пятилетний принц Альд, а по левую находилось место королевы. За столом монарха в обычные дни собиралось много придворных, а в праздники ещё больше, вплоть до полного заполнения зала. Лишь на одной стене трапезного зала имелся ряд узких окон, скорее похожих на бойницы, через которые можно было обозревать часть города, одно из предместий и возвышающийся над ним блестящий купол Белого монастыря. Иногда король давал пиры и в Золотом тронном зале, но там сейчас шли восстановительные работы после пожара, вспыхнувшего от занских праздничных свечей. Выложенный из сурового природного камня большой камин был растоплен так, что, казалось, в него заглянуло само лето. Сейчас с вертела капал жир лесного вепря и шипел на пушистой золе, сообщая запахом всем собравшимся, что пир вот-вот начнётся. Среди царившей тишины паж нараспев сообщил:

– Да здравствует Рочилд Десятый – солнце Аксийского королевства!

После этого все гости сели, а виночерпий, предварительно попробовав сам, налил королю в золотой кубок тёмно-рубиновый напиток. Помимо разного рода титулованных дворян за столом также находились: полководец Атирп – князь королевской крови, Первосвященник Визирдан, казначей, конюший, граф Викрес – господин столичной земли Хеммзем, а также архивариус Вальт Комр. Сейчас друг Аркарка уставился на рисунок скатерти и думал над своими ответами на возможные вопросы короля, которые тот может задать, если не опьянеет раньше времени и вспомнит о делах. Предпосылки для какого-либо беспокойства у архивариуса отсутствовали, ввиду аккуратного и честного ведения дел, в отличие от некоторых знатных особ, сидящих с ним рядом. Золото в казну Аксии, благодаря тангирским кузнецам, последние три года текло рекой, и Рочилд обычно не обращал внимания на ежегодно растущие расходы придворных на охоту, забавы, платья и дома терпимости.

После третьего кубка подряд Рочилд значительно развеселился. Он приказал подать жареного кабана на стол и первым вонзил в него кинжал. Тут же позвали музыкантов. Но как только они начали щипать струны, дудеть и стучать по барабанам командир дневной стражи сообщил, что из Фоона прибыл гонец со срочным посланием для короля. Крякнув от недо-

вольствия, король кивнул стольнику, чтобы тот занялся разделкой мяса и приказал впустить посланника. Через весь трапезный зал, наполненный музыкой, непринуждённой беседой и вкусными запахами, мимо всех придворных к королевскому столу приблизился молодой гонец и застыл перед Рочилдом, прижав к сердцу правую руку и преклонив колено. Растрёпанный и взъерошенный как воробей, в пыльном дорожном плаще гонец, судя по одежде оруженосец, попросил его величество позволения говорить. Придворная знать прервала беседы и с любопытством уставилась на юношу. Рочилд небрежно взмахнул рукавом туники, давая согласие выслушать.

– Бунт, ваше величество! Фоон в огне! Крестьяне сожгли Швац! – звонко проговорил гонец и замер, уставившись в пол.

– Кто сжёг? – не сразу разобрался король, но побледнел, услышав смех принца Альда.

– Холопы, ваше величество! Они подняли руку на одну из графинь и убили солдат из её свиты. А потом освободили рабов, разграбили рынок и подожгли Швац.

Далее сбежавший от народного гнева оруженосец сообщил королю и придворным как фоонские крестьяне, доведённые голодом и издёвками до отчаяния, прямо на рынке напали на кавалькаду графини. Оказалось, что бунт холопов, во главе которых стал какой-то силач Бун, развлекавший чернь на рынке поднятием брёвен и камней, вызвало наглое поведение охранника старшей графини. Дерзкий солдат, насмехаясь, предложил силачу есть на обед больше пшеничной каши, и швырнул в лицо горсть меди. В ответ Бун повалил лошадь обидчика на землю вместе с всадником, а помощник силача кинул в охрану нож. Разозлённые солдаты быстро поймали метавшего и вознамерились сразу отрубить ему голову, но силач, схватив два кузнечных молота, атаковал их и призвал крестьян к убийствам. Поскольку дело происходило на деревенском рынке, Буна поддержали голодные холопы и все вместе они подняли на вилы барона и солдат графини, сопровождающих её на прогулке. Ему – баронскому оруженосцу вместе с графиней удалось скрыться верхом. Со слезой молодой гонец поведал королю и придворным про погибшего хозяина и попросил короля силой подавить бунт.

– Почему ты не спас тело своего господина? – после некоторого молчания спросил Атирп.

– Я и барон не были вооружены, ваше высочество, так как ехали на прогулку. Мы хотели только один раз проехать с графиней на лошадях вокруг Шваца. Из всех нас только охрана графини имела мечи.

– Неслыханная дерзость! Какой вздор! Вы обязаны носить кинжалы! Что дальше?

– Дальше я помог старшей графине добраться до Шваца и предупредить слуг, но через некоторое время разъярённая толпа мужиков с топорами и факелами побежала на имение со стороны сада. Мне, графу Хенцу и двум сёстрам удалось вывести из конюшни несколько лошадей и повозку. Затем мы немедленно отправились в Северный Тангир, памятуя, что его милость держит там отряд метких лучников. После утомительной скачки с вершины холма мы видели над Швацем густой чёрный дым. Холопы наверняка убили оставшихся слуг и выпустили графских рабов, ваше величество.

Со стороны сидящих за столом дворян, слышался нарастающий ропот и возгласы возмущения, постепенно переходящие в громкие реплики. Они требовали неумолимого возмездия, говорили о необходимости немедленной поимки всех бунтовщиков и их скорейшей казни. Из галдящей придворной толпы молчали только Первый советник, Первосвященник и архивариус. Король в растерянности пытался сообразить, что ему делать в данной ситуации и озирался по сторонам, ища подсказки. Его разум, наполовину затуманенный гранатовым вином, с трудом подыскивал нужные слова, но всё-таки он коротко сообщил, что холопов следует немедленно повесить. Знать подхватила эти слова, а великий князь Атирп предложил королю послать в Фоон несколько отрядов на усмирение бунтующих крестьян. Соглашаясь с предложением своего полководца, Рочилд капризно добавил:

– Голову холопа Буна я хочу видеть в Витархеме к празднику Превращения Грэнрика!

– Виват, королю Рочилду! Да здравствует солнце аксийского королевства! – подхватил паж.

После того как полководец и Первый советник увели гонца из трапезной, пиршество возобновилось с новой силой под оживлённые и горячие разговоры. Обслуживающие трапезу стольники вновь наполнили кубки. Крестьянские войны и раньше вспыхивали в Акси, но такая вопиющая наглость как вооружённое нападение на дворян, прогуливающих верхом среди бела дня, являлась неслыханной редкостью.

Вальт Комр – седовласый королевский архивариус помнил, что ему говорил мечник Аркарк о крестьянах: как лес состоит из деревьев, так и Аксиа состоит из крестьян, и если не станет деревьев, то погибнут и птицы, живущие на их ветвях. Кстати, он должен сообщить книгочею о беде, в которую попали его дядька Хенц Фоонский с графинями. Этот Хенц имел в Аксию определённую известность своими размышлениями. Недавно он выпустил глисебровый трактат «О вертикальном устройении общественном», горячо одобренный многими аксийскими епископами. Ещё архивариус знал, что войны с крестьянами подобны борьбе с шершнями путём поджога пасеки, и всегда заканчивались плохо для всех участников и не приносили никому победы. Поданное к столу блюдо с жареными куропатками напомнило ему одну просьбу Аркарка, и он прервал разговор сидевшего рядом с ним графа Викреса и рассуждавшего с умным видом о способах казни.

– Я слышал, ваше сиятельство, что в Хеммземе появились новые ксебские книги?

– Да, Вальт, мои купцы привезли из Никса два алхимических тома на пергаменте.

– Весьма любопытно! Пробовали перевести? – аккуратно поинтересовался Вальт Комр.

– Честно говоря, нет! Ведь я ничего не понимаю в алхимии, и никто из моих слуг не знает ксебского языка, клянусь Бриёгом.

– Одолжите мне, граф, сии книги на месяц и я сообщу вам, о чём там говорят алхимики Никса. Потом вы сможете продать их кому-нибудь в Гигриде!

– Какая замечательная мысль, Вальт! А нужно ли показывать трактаты Визирдану на предмет отсутствия хулы на Духов? Нет? Не стоит? Я тоже так считаю, Вальт. Пришлите вечером слуг и подвиньте мне, пожалуйста, вот то блюдо. Так о чём это вы, советник? Ах да! О пытках...

Не успели король и приближённые полностью погрузиться в жирный и пьяный обед, как стража опять доложила о прибытии гонца. Теперь из Кинска. Король с досады швырнул свой кубок на пол и отправил принца вместе с одной из первых княгинь на женскую половину замка. Придворные опять притихли, а в трапезный зал незаметно вернулись советник и Атирп. Смолкли музыканты, и слуги застыли в ожидании новых приказов.

На сей раз гонцом оказалась особа княжеского рода. По гербу с изображением оленя над половинкой луны и молодому лицу все присутствующие узнали в посланнике единственного сына князя Салмаре и приготовились слушать. В тяжёлых сапогах со шпорами, затянутый по самое горло в хорошо выделанную кожу, белокурый юноша приблизился к Рочилду, стал на колени и молчал, положив к сердцу руку в перчатке. Другой рукой он удерживал шляпу с орлиным пером, а его длинный двуручный меч при этом касался ножами каменного узорчатого пола трапезной. От Кинскгрида до столицы вела прямая и хорошая дорога, поэтому молодой князь, следуя в Витархем, загнал только двух лошадей. Конечно, вид у гонца оставался желать лучшего. Плащ был весь в дорожной пыли, сапоги в глине и многие догадались, что в Кинске произошло что-то из ряда вон выходящее. Заплетающимся языком король велел говорить. Слегка ослабив драгоценный пояс, Рочилд испытывал неудобство в животе от вина и тяжесть от короны на голове. Выдержав лёгкую паузу, посланец из южного княжества сказал:

– Ваше величество, по настоянию моего отца князя Салмаре Кинского я прибыл в Витархем с весьма важным известием, которое имеет для всего королевства совершенно особое значение!

– Продолжайте, князь. Атирп, вы здесь? Первый советник? Мы слушаем вас, да.

– Ваше величество, новости настолько важные, что отец приказал мне сообщить их только вашему ближнему кругу.

– Прикажете удалиться придворным, – посоветовал Атирп, наклоняясь к уху короля.

– Все вон! – крикнул Рочилд и поднялся с дубового трона, чувствуя неладное.

– Остаются Атирп и советники, – прошептал старый граф в другое ухо и король это повтори.

Знать бросила разочарованные взгляды на богатый стол с полными кувшинами и изысканными блюдами и начала выходить из-за столов. Придворные покидали трапезный зал, шепотом переговариваясь о возможном конфликте Салмаре с торговцами Унтара или его очередной ссоре с графом Лэ. Вальт Комр немного замешкался и постарался выйти из зала последним, чтобы хоть краем уха услышать начало разговора, но ничего не услышал. Командир дневной стражи выгнал из зала гвардейцев, а сам, выйдя следом за архивариусом, плотно закрыл за собой тяжёлую дверь в трапезную и даже отошёл от неё на несколько шагов. В зале осталось пять человек.

– Война, государь! – опустив низко голову, коротко сообщил знатный гонец.

Рочилд опешил при этих словах и сел обратно на высокий стул, ничего не понимая. Атирп нахмурился. У него забегали глаза, а советники жестами попросили молодого князя продолжать.

– Ваше величество, отец приказал мне в точности сообщить вам, что произошло с ним на берегу Кона в пятый день прошлой десятицы. Выслушайте меня и, во имя Бриёга, готовьте войска!

В ходе рассказа молодой князь поведал королю и придворным, как началась война. Случилось это на берегу Кона, вдоль которого проходила дорога, связывающая Кинск и графство Элм. В тот день Салмаре-старший возвращался со свитой от графа Лэ в прекраснейшем расположении духа, так как ему удалось договориться с соседом о продаже тому одного охотничьего угодья с озером посередине. Но на полпути к Кинскгриду его небольшая группа напоролась на конных лучников под вымпелами Готы и Ксеброкса, переправляющихся через брод на аксийскую сторону. Между противниками находился большой луг, но численность ксебского авангарда Салмаре оценил приблизительно в три отряда.

Вместо того чтобы безрассудно завязывать бой против вторгшихся чужаков, князь направил к ним на переговоры одного из своих рыцарей с целью получить хоть какие-нибудь сведения относительно маршрута и действий ксебов, так как всем было известно о мирном договоре 5612-го года. Рыцарь дважды пересёк луг и рассказал по возвращении, что видел на том берегу тысячи солдат. Довелось ему перекинуться словами с одним бароном из Бо – ближайшего к реке ксебского города, который уведомил его о разрыве отношений между королевствами. Также барон сообщил, что Ксеброкс с сегодняшнего дня объявляет Акции войну ввиду убийства Гдаха из Никса и в завершение посоветовал Салмаре стать вассалом Кседда или просить Бриёга о том, чтобы не попасть в плен. Рыцаря отпустили, и он в точности передал князю содержание разговора. И ещё добавил, что перед ним находился только авангард вражеского войска и за гутунскими конными лучниками с эмблемой красного волка на золоте, следует большая армия – он лично видел на противоположном берегу большую массу пехоты и метательные машины. Салмаре не решился тогда ввязываться в бой, имея под рукой всего десять человек, и в срочном порядке двинулся в Кинскгрид, где стал собирать ополчение, вооружать слуг и укреплять замок. Молодой гонец ещё добавил, что отец распорядился посадить княгиню и других женщин в повозки и отправить их в Витархем.

Король Рочилд невнимательно слушал гонца, однако спросил:

– Где ксебский посол?

– Посла целую десятицы не могут найти.

– Атирп, сколько у нас солдат? – поинтересовался король. – И почему этот Птичий Нос не соблюдает мирный договор? Он же сам его подписал!

Королевский полководец, известный на всю страну своими успешными походами против кочевников Восточной Тории и победой над сваркитским десантом, на мгновение задумался и тут же ответил:

– Ваше величество, договор подписывал Кседд – один из ксебских князей, но не глава объединённого королевства. Я уже обращал ваше внимание на это обстоятельство. Сейчас мы можем выставить против него не более трёх хоругвей: Витархемскую, Тангирскую и Элманскую.

– А что нам предоставят Тамай, Токин и Фоон? – поинтересовался у Атирпа Первый советник.

– Думаю, что все вместе они соберут нам ещё одну хоругвь, но это займёт очень много времени, особенно в графстве Фоон, – ответил полководец. – Ещё не помешает позвать саргов и попросить царя даклов Унрека выставить конницу.

Рочилд Десятый хрипло рассмеялся. Эффект гранатового вина ещё не улетучился, чтобы оценить опасность предстоящей войны по достоинству:

– Вы глупец, Атирп! Зачем нам варвары? У нас не хватит для них сена!

– Ваше величество, Кседд – опасный противник. Вспомните, с каким трудом нам удалось три года назад прижать его к Кону. Тогда погибло несколько тысяч наших людей.

– Ладно-ладно, пусть будут варвары! Только не кормите их перед сражением, ха-ха!

– Ваше высочество, а как же хоругвь самого Салмаре? – спросил Тайный советник. – У него сильная пехота.

– Боюсь, граф, она уже разбита, – холодно предположил полководец.

– Прекратите, Атирп! Я приказываю вам не паниковать! К паникёрам придут палачи, – самоуверенно крикнул Рочилд. – Готовьте войска, а чуть позже мы объявим народу.

– Правильное решение, ваше величество! – прокомментировал Тайный советник.

– Прежде всего, следует разослать гонцов, ваше величество. Я сейчас же начну сбор главной хоругви к походу, но мне потребуется много денег. Необходимо в кратчайший срок пополнить состав пеших отрядов, организовать крупный обоз и реквизировать коней. Через три дня мы выступаем на юг, однако для соединения всех войск вместе потребуется около месяца.

– Немедля приступайте, Атирп! – приказал король.

– Ваше величество, а что делать мне и моему отцу, который прямо сейчас готовится в родовом замке встретить врага? – спросил Салмаре-младший, внимательно выслушав весь разговор.

– Возвращайтесь в Кинскгрид! – ответил король. – Здесь вы не нужны.

– Каким войском располагает Кседд? Что говорят наши шпионы, ваше высочество? – спросил Первый советник у полководца, прикидывая, сколько дней Салмаре сможет держать осаду.

– У него несколько легионов по пять-шесть тысяч копий в каждом. Кроме того, после объединения с Готой, Птичий Нос через Муунга восстановил отношения с Унтаром. И теперь за мешок золота он может купить всех сваркитов, способных держать меч, – сообщил аксийский полководец собравшимся и добавил: – У ксебов больше солдат, чем у нас. Кроме того они, видимо, хорошо подготовились к войне.

– Каковы будут наши действия в Кинске, ваше высочество? – уточнил Салмаре.

– Боюсь, что Кинскгрид нам всё равно не удержать. Возвращайтесь к отцу и уговорите его отступить к Бирче! – Атирп взял всю ответственность за события на свои плечи. – У тамошнего барона отличный новый замок, построенный занским зодчим. Пусть ваш отец заберёт самое ценное, прежде всего, людей и лошадей, и присоединится к барону. Оставьте в родовом замке две группы лучников, чтобы они задержали Кседда на пару дней и ждите наши хоругви.

– Слышали, что сказал Атирп? Ступайте! – король отпустил гонца и продолжил совет.

4. На Витархемской дороге

«С неба весеннего лилась вода, печка коптила на небо тогда, задумал я к морю ехать верхом, но ворон мне кость преподнёс». Именно так звучала самая последняя запись в «Книге Аркарка». Два дня назад он нацарапал её на пластине дневника, а потом всю ночь жёг свечи, пытаясь разгадать этот знак с неба. Подсказка представлялась сложной – об неё, как о крепкий орех, можно было сломать зуб. Какое-то предупреждение об опасности? Угроза со стороны чёрного существа, но какая? Неясно. Не разгадав сего знака, посланного ему Альтетом вместе с вороной, книгочей рано утром следующего дня, как и планировал, отправился на восток к тангирскому князю Вишкуду.

Весенним днём они ехали в Тангир по прямой и широкой Витархемской дороге. Слуге Даргу пришлось долго поторговаться при покупке лошадей и повозки, однако старания оказались не напрасны и сейчас позади всадников, разбрызгивая гравий и песок, громыхало усиленное железом четырёхколёсное чудовище. Дарг гнал повозку, запряжённую одним густогривым мерином, а перед ней верхом ехали книгочей с женой и попутчики-пилигримы. Последние принадлежали к духовному сословию и собирались посетить святыни Гигридского Чёрного монастыря. С семейством мечника пилигримы встретились у Восточных ворот и, узнав, что оно также направляется в Тангир, предложили в целях безопасности ехать вместе. Аркарк счёл довод разумным и согласился. Его повозка везла почти всё семейное имущество: два сундука с книгами, несколько корзин и мешков, а также личные вещи Дарга.

Аркарк управлял рослым жеребцом пегой расцветки, сидя в новом пастушьем седле с высоким рожком и лукой. Седло мечнику удалось купить у одного проходимца всего за пятьдесят крошей прямо на выходе из таверны «Жирный гусь», где он передавал знакомому купцу небольшую глисебровую книжицу для врачей «О грибах и травах». Такие сделки епископами запрещались, а если уж и проводились, то большая часть вырученных за книги монет обычно направлялась на укрепление веры, повышение могущества короля или Аксийской церкви, но отнюдь не на личные цели. Однако в данном случае Аркарк пошёл на риск, учитывая нужду в быстрых деньгах.

К слову сказать, Визирдан имел представление о некоторых каналах утечки книг из Аксии, но кто именно этим занимался, он не знал. При продаже книг собственного перевода или переписывания Аркарк всегда следовал правилу не причинения духовного вреда будущим читателям и продавал только книги прошедшие его личную цензуру, не содержащие порочных мыслей. Так, например, он не продал богатому послу царя даклов единственную копию трактата графа Хенца, справедливо полагая, что Альтет был бы категорически против устройства общества людей по принципу вертикального рабства, изложенному брезгливым дялюшкой. Однажды Аркарк не взялся переводить занскую оккультную книгу о вызове эпического Дракона Ужаса из крови разных животных. Также отверг предложение размножить труд одного сектанта из витархемских свидетелей Грэнрика, который попробовал выйти на него через монаха Гриона. Вообще, отношения с книгами Аркарк уподоблял отношениям с людьми: с одними можно дружить, других надо любить, третьих стараться не подпускать к людям.

Маора ехала рядом, и всё время смотрела по сторонам, наслаждаясь природой. Её весьма радовал весенний лес, подступавший к дороге с обеих сторон. В лесных ямах таял рыхлый снег, пели вернувшиеся птицы, пахло мокрой хвоей. Аркарка она очень любила и прежде всего за внимательное и уважительное отношение к ней – дочери зажиточного даклицкого кузнеца. Аксийский язык она выучила ещё девочкой, благо даклы с аксийцами имели много общего в языке и культуре и считались как две ветви одного народа. В приданое Маора получила драгоценные камни, мешочек золотых монет и старуху-кормилицу, с которой и переехала к мужу в Витархем. Уже два года они просили у Альтета ребёнка и вот, наконец, этой весной он внял их

мольбам. Аркарк ехал на полкорпуса впереди, и Маора заметила, что он опять думает о книгоголке. Цель их внезапного путешествия в Тангир Аркарк ей пока не сообщил, хотя она знала о желании мужа организовать в Гигриде цех переписчиков или книжную мануфактуру. Маора поравняла свою лошадь с жеребцом Аркарка и спросила:

– Супруг мой дорогой, как долго мы будем гостить у Вишкуда?

– Маора, это зависит от того найду ли я переписчиков и толмачей.

– В таком случае, муж, тебе нужно посетить Чёрный монастырь. Тамошные монахи могут перевести любой текст, кроме занского.

– Боюсь, любезная Маора, что с ними будет не так просто договориться. Я всего два раза в жизни был в Гигриде, но успел убедиться в редкой прозорливости и излишней догматичности тангирских монахов. На званом обеде у князя глава гигридского монастыря и его ближайшие помощники мне заявили прямо, что согласны переписывать только избранные главы Белой книги.

– Аркарк, тебе с трудом удалось встретить одного Гриона, а ты хочешь найти ещё несколько переписчиков?

– Ну, во-первых, можно официально заняться и отдельными главами священной книги, но тогда придётся бычью часть денег оставлять в монастыре. Во-вторых, Тангир тем и хорош, что здесь выплавляют глисебр и делают пластины, а посему они обойдутся нам в Гигриде дешевле, чем при дворе у Рочилда. Если заручиться поддержкой Вишкуда и заинтересовать этим делом, то можно будет переписывать книги прямо в княжеском замке, – рассуждал мечник.

– Вишкуд богат и без того! – заметила Маора. – Он строит себе новый замок.

– Своей дочери Вишкуд действительно собрал такое приданое, что его не стыдно будет взять даже принцу Альду, когда малыш подрастёт. С книгами князь сможет стать ещё влиятельнее и, вероятно, не откажется поменять свободное золото на духовную власть и славу мудреца.

– Рочилда женили в пятилетнем возрасте, – вспомнила Маора. – Поэтому он так не любит королеву.

– Тише, любезная жена, – предупредил Аркарк. – Постарайся пользоваться нашим языком.

Книгочей посвятил Маору в иносказательный язык, но она использовала его редко. В Акции не все мысли можно было произносить вслух, а те, что формально не запрещались и могли использоваться в разговоре, следовало тщательно взвешивать. Неосторожное слово могло отрицательно сказаться на материальном положении, здоровье или даже собственной жизни. В основном такая опасность исходила от разного рода доносчиков и жадных придворных.

Они ехали уже второй день по западной части графства Хеммзем. Ночевали на постоялом дворе зажиточного землевладельца и сменили одну лошадь. Аркарк взял в дорогу все свои деньги в количестве пятидесяти пяти грегеров, но понимал, что в Тангире всё равно придётся продавать пергаменты – пока найдутся переписчики или пока не закончится война. В том, что она началась, книжник не сомневался, однако Маоре об этом пока не говорил. Прислуживающую жене старуху он отправил в одну из деревень графства. Аркарк планировал достигнуть Гигрида дней за шестнадцать, но с учётом весенней лесной дороги и повозки, получалось, что дорога займёт не менее двадцати.

Утром следующего дня все худшие предположения Аркарка подтвердились. Не выспавшийся Дарг с хмурым и заторможенным видом управлял повозкой на каменистой дороге, как вдруг его сзади окликнул быстро нагонявший кавалькаду гонец. Именем короля он кричал всадникам уступить дорогу. Срочный королевский посыльный – это было видно по высокой шляпе и красно-синей попоне, со всей очевидностью также направлялся в Тангир и, перио-

дически пришпоривая коня, явно рассчитывал прибыть в Гигрид не позднее конца недели. Дарг направил повозку к обочине, а пилигримы, Аркарк и Маора вообще съехали с дороги в сторону на лужок. Гонец, придерживая шапку с пером, лихо пронёсся мимо, успев только сообщить самое главное:

– Война с ксебами! Кседд напал на Кинск!

Через несколько мгновений он скрылся за поворотом, а встревоженные пилигримы стали переговариваться между собой и взывать к Духам. Аркарк переглянулся с Маорой и сообщил ей, что «красные волки пришли за белым хлебом», обращая внимание жены, что главная цель войны носит преимущественно грабительский характер.

– Святой Бриёг! Как же моя кормилица? – в чрезвычайном волнении спросила Маора. – И что будет с нашим домом?

– Маора, я отправил её в деревню! Почему ты думаешь, что они возьмут Витархем?

– У меня такое предчувствие, Аркарк!

– Не волнуйся, мне кажется, они не пойдут дальше Кинска. Салмаре накопил много жира в виде мехов, камней и брусков вот они и хотят пограбить его, – пробовал книгочей успокоить Маору, но внутренне понимал, что произошло нечто более серьёзное и только Кинскгридом ксебы не ограничатся.

«Прямой дороги между Бо и Тангиром не существует, если, конечно, ксебы не собираются утопить своих рыцарей в болотах. У города Бирче станет окончательно ясно, какие цели преследует Кседд», – вспоминал мечник, что дорога в северной части Кинска раздваивается.

– Ты должен будешь ехать на войну, любезный муж? – твёрдо спросила она.

– Да, но я могу присоединиться к отрядам Вишкуда, когда мы встретим их на дороге.

– Что будет со всеми нами?

– Маора, я думаю, что ты не должна волноваться, – сказал он. – Кстати, встреча с гонцом весьма любопытна... Мне нужно заглянуть в дневник. Дружище Дарг, останови-ка эту железную бочку!

Слуга повиновался, а хозяин спешил и залез в повозку. Он поочерёдно открывал сундуки, рылся в корзинах, даже залез в тюк с одеждой, но книги так и не нашёл. Тогда книжник в чрезвычайном волнении подбежал к своему жеребцу и сунул руку в седельную сумку. Дневника там тоже не оказалось. Аркарк похолодел. Ночи и дни аккуратной и сосредоточенной работы мысли, тайные записи и мистические знаки, наконец, все тщательно собранные по крупицам доказательства бытия Альтета и следы диалога с ним были утрачены. В эту секунду Маоре показалось, что муж поседел на глазах. Он отошёл от коня и, прислонившись к ближайшему дереву спиной, закинул голову вверх. Его глаза продолжали искать утерянный предмет среди пушистых белых облаков на весеннем небе. Потом мечник вернулся к действительности и начал подробно расспрашивать Дарга о мельчайших подробностях подготовки и сбора вещей к переезду.

– Сударь, клянусь вам всеми Духами и в особенности Бриёгом, что я не видел вашего дневника в кожаной обложке! – суетился около повозки встревоженный Дарг, роясь в третий раз среди вещей.

– Дарг, проверь на дне вот того сундука! Может быть, мы вообще не положили его в повозку?

– Сударь, я выносил все вещи со второго этажа, и вы помогали мне.

– Аркарк, я видела, что на столе оставались какие-то черепки, кости и старый чехол от топора.

– Маора, в чехле лежали пластины!

– Но я думала, что ты их положил в повозку в первую очередь!

В это мгновение книгочей понял, что сам забыл книгу в утренней спешке. Тогда передвигая сундук с пергаменами, он не обратил внимания на кучу мелких вещей, лежащих на столе.

Сам виноват. Что делать теперь? Поселить Маору на ближайшем постоялом дворе и возвращаться в столицу верхом, а потом ехать обратно? Или отправить её дальше, и лишь потом нагнать их уже в Тангире? Или всё-таки оставить дневник в запёртом доме, чтобы потом отправить за ним Дарга? А между тем Кседд наступал на Кинск, и следовало присоединиться к войскам. Немного поразмышляв над всеми вариантами, Аркарк решил, несмотря на всю ценность дневника, проводить жену до их встречи с Тангирской хоругью. После того, как Маора окажется в безопасности и поселится в Гигриде, слуга возьмёт пару лошадей и съездит за дневником. Также в зависимости от военных действий существовала возможность и самому посетить Витархем, если Вишкуд подойдёт прямо к столице или Рочилд запрётся там с Витархемской хоругвью. Аркарк объявил Маоре и Даргу о своём решении, затем сел на коня и все они, скрипя повозкой, стали догонять уехавших вперёд пилигримов. Весна между тем продолжала обновление: лес зеленел и наполнялся птичьими голосами, снег быстро таял, и под ним виднелась сырая земля и рыжие прошлогодние травы.

На следующий день Аркарк повстречал на дороге своего ненаглядного дядюшку Хенца Фоонского и двух тёток-графинь. Три знатные персоны в окружении десятка слуг быстро двигались по Витархемской дороге навстречу книгочею и его фамилии. За графом катилось три повозки всякого добра и бежало несколько деревенских собак. Слуги отгоняли собак палками, а сам дядюшка отбивался от них узким кавалерийским мечом. Когда голодная стая, скуля от боли и досады, наконец, отстала, граф вложил меч в ножны и тут увидел мечника.

– Живой Грэнрик! Неужели это вы, Аркарк? – маска на лице графа изобразила улыбку. – Давно я не виделся с вами, сударь! Куда держите путь? Неужели везёте книги в Фоон? Там сейчас зверствуют сорвавшиеся с цепи холопы.

– Вам и графиням доброго здравия. Едем в Гигрид, Хенц. Там сейчас чудесная погода!

– Однако вы молодец, Аркарк. А я уж было подумал, что это война заставила вас покинуть столицу, – съязвил граф.

– Вы же знаете, Хенц, что устав мечника разрешает сражаться в любой аксийской хоругви. Поэтому я еду к Вишкуду, чтобы присоединиться к его отрядам, – сообщил книгочей.

– Похвально, сударь. Мы с сёстрами направляемся в Витархем. Холопы сожгли Швац, видите ли. Вы не встречали на дороге солдат?

– Нет, граф, возможно, они выехали раньше, – честно ответил Аркарк. – А что произошло?

– Крестьяне подняли бунт: напали на охрану графини и убили нашего друга барона. Также им удалось распустить рабов и, что самое неприятное, сжечь имение. Ещё очень хорошо, что оруженосец предупредил меня об этом заранее и мы вывезли из замка то, что досталось нам от прадеда, – Хенц, хитро подмигнув, кивнул на свои повозки.

– Так что же, Хенц, написали ли вы продолжение трактата? – задал последний вопрос книгочей, намереваясь прекратить неприятный разговор и разъехаться в разные стороны.

– Я начал работу, Аркарк, а вы так и не соизволили перевести первую часть на ксебский язык?

– Разочарую вас граф, но я не считаю угодным Альтету переводить вашу книгу на какой-либо язык.

– Вы неисправимы, сударь. Когда-нибудь мы вернёмся к нашему разногласию, и вы признаете свою неправоту касательно устройства общества, если раньше не попадёте в лапы епископов, – Хенц хлестнул лошадь и короткая беседа завершилась.

Граф намекал книжнику о том, что фанатичные епископы и жрецы постоянно проводили чистки веры и искали среди поданных королевства отступников, сектантов, еретиков и других неблагонадёжных. Зная о высокой честности и благородстве племянника, Хенц правильно предполагал, что возможный суд епископов станет для Аркарка серьёзным испытанием на стойкость духа.

Прошло пятнадцать дней долгого и утомительного пути с ночлегами и многочисленными остановками. И вот в середине 27-го дня первого весеннего месяца жизневита фамилия Аркарка встретила тангирскую конницу. К этому времени путешественники преодолели большую часть дороги длиной почти триста шестьдесят вёрст и уже собирались пересечь Гифлор – горно-лесной массив перед столицей княжества Тангир. Горы здесь были ещё не высокие, скорее напоминая высокие холмы, они стояли сплошь покрытые густым хвойным лесом и непроходимым кустарником. Судя по тому крестьянскому быту, с которым им удалось столкнуться в Западном Тангире, местным холопам тут жилось куда лучше, чем витархемским или даже токинским. Каждый отец семейства отдавал здешним дворянам только треть своего натурального продукта, и такой оброк казался небывало низким относительно всей Акции. Рочилд опасался, что тангирские крестьяне обнаглеют и поднимут восстание, однако этого не происходило. Путешественники и раньше знали про заметно отличающийся уровень крестьянской жизни в разных уголках королевства, но только сейчас увидели разницу.

Авангард тангирской хоругви, состоящий в основном из кавалерийских отрядов, вчера пересёк Гифлор и сейчас реквизирует коней, сено и провиант в крупной придорожной деревне. Аркарк въехал в неё с западной стороны и сразу определил командира. Тот важно сидел в окружении молодых рыцарей и с аппетитом поедал жареную курицу. Многие тангирцы имели средний рост, крепкий торс и носили густые бороды. Командир в титуле графа исключение не составлял и являлся типичным представителем горного Тангира. Рыжая борода, пожалуй, самый запоминающийся элемент его внешности опускалась до самой груди. На доспехе командира красовался гирридский герб в виде трёх молотов, а на дорожном плаще имелось две перевитые ленты. Граф наспех обедал, подпоясанный широким кожаным ремнём, на котором крепились ножны личного оружия, и поглядывал на происходящее вокруг. Рядом с ним находились пять рыцарей в латах и с перьями на остроконечных шлемах, два оруженосца, трубач, барабанщик и один из знаменосцев хоругви. Тёплый весенний ветер развеивал хвостатое зелёное знамя Тангира с королевскими лентами и обнажал на нём вышитые серебром аксийские символы. Завидев группу всадников и повозку, командир приказал её пропустить, а Аркарку дал знак приблизиться.

– Я – граф Гирридский, командир конницы его светлости. А ты кто таков? Судя по одежде и змеиному клинку, ты мечник?

– Да, ваше сиятельство, мечник Аркарк Токинский, – ответил книгочей, приструнив коня.

– Далеко тебя занесло, сударь. Что за дело в Тангире? – граф отложил куриную ногу.

– Ехал к князю Вишкуду по одному книжному делу, но гонец, обогнавший нас на дороге, сообщил о войне.

– Книжному делу... Что собираешься делать, сударь? Знаешь ли ты ксебский язык?

– Знаю ксебский, ваше сиятельство, а поступать буду, как велит в таких случаях устав мечников. Пойду в вашу хоругвь, раз война застала меня здесь, – определил себе место Аркарк.

– У меня пять конных отрядов, книжник. Мы – авангард, вступаем в бой первыми. Если хочешь умереть сразу, то давай к нам. А нет, так за нами идёт основная часть хоругви и пехота. Думаю, Вишкуд найдёт тебе там место толмача. Что слышно в Витархеме? На границе?

– В столице Атирп, очевидно, собирает войска, – предположил книгочей. – А на границе видели конных лучников Муунга.

– Муунга? Скверно дело. Готский князь опасен как дракон. Говорят, что сам Грэнрик помогает ему...

Короткий разговор завершился и граф отпустил книгочея. После деревни дорога пошла по заросшим холмам Гифлора. В лесу пилигримы попрощались и свернули в сторону, намереваясь посетить одну из беловежских святынь – ручей Омовения Бриёга, а Аркарк с женой,

подгоняя Дарга с повозкой, продолжили путь. На следующий день их семейство встретилось в придорожном охотничьем лагере с основными военными силами Тангира.

После получения королевского послания Вишкуд, не откладывая дела до следующего утра, начал готовить хоругвь и обоз к походу. Первым делом он разослал по баронствам особый приказ собрать по одному быку или корове с каждого двора и заполнить все клетки птицами. Пища для солдат являлась для него самым важным делом. Затем князь озаботился лошадиным вопросом, а также произвёл срочный набор крестьян в пешие отряды. Кузницы Гигрида непрерывно работали два дня и две ночи и к моменту выхода хоругви всем солдатам выдали оружие. Секуторам заточили мечи и секиры, копейщикам сделали новые щиты, а за лучниками ехало несколько возов стрел. Всего Вишкуду удалось на скорую руку собрать около тридцати отрядов: десять конных и двадцать пеших. 23-го жизневита князь во главе четырёхтысячного войска выступил на Витархемскую дорогу, намереваясь соединить свои силы с армией Рочилда. К моменту выхода хоругви ещё несколько пеших отрядов продолжали формироваться и считались резервными.

Влиятельный и богатый князь Вишкуд из старого аксийского рода ехал на белом торийском жеребце среди рыцарей – командиров конных групп и планировал ход предстоящей войны. За всю пятисотлетнюю историю Аксии ксебы нападали на них одиннадцать раз. Иногда война заканчивалась поражением, но чаще победой. Мирные договоры о взаимном ненападении заключались неоднократно, но никогда не нарушались столь бесцеремонно, как это произошло сейчас. Тангирский князь считал, что война не затянется надолго, ведь Аксия была в последние несколько лет сильна как никогда, и даже могла, в рамках военного союза, попросить Даклицию предоставить целую армию. Он надеялся, что Рочилд так и поступит, так как его сразу насторожило, что Ксеброкс выставил против них лучников Гутунса, и может быть даже наёмников.

С книжечем Вишкуд познакомился, когда тот гостил в Гифлоре по приглашению одного тамошнего барона. Год спустя уже сам князь давал знатный обед в честь рождения своей единственной дочери и тогда же подружился с Аркарком, показавшимся ему весьма интересным и образованным человеком, пусть и мелким дворянином. Пять лет назад за праздничным столом между ними произошёл следующий диалог.

– Так вы, сударь, утверждаете, что Кседд всё-таки захватит Готу и Рокс? Но тогда он станет сильнее Рочилда!

– Ваша светлость, Гота сама захочет объединения, чтобы разобраться с Роксом. И Кседд станет сильнее только в военном отношении, – ответил тогда Аркарк.

– Почему только? Ведь это густонаселенное побережье! Новые города и уголья, тысячи и тысячи поданных, выход к Снежному морю! Золотой бык просто мечтает попасть на красных лугах Западной Ферры! – воскликнул Вишкуд, мысленно располагая ксебский символ на гербовом поле Готы.

– Но ведь согласитесь, ваша светлость, что Кседд даже с новыми землями не богаче Аксии: у него нет глисебровых рудников, недостаточно леса и мало пушного зверя. Многие он вынужден покупать у нас за своё разбавленное серебро. Во-вторых, союз с даклами и вассалитет саргов намного более устойчивые конструкции, нежели объединение с хищной Готой для захвата Ферры. Кроме того, в самой Ксебии возможны бунты и заговоры, а гордый Рокс обязательно будет сопротивляться и поднимет восстание. Не забывайте также, что кочевники Тории часто пересекают степи и солончаки, чтобы поразбойничать в Южной Ксебии. Птичий Нос будет вынужден держать в Бате, Гутунсе и в торийских степях большие гарнизоны...

Чтобы за полмесяца добраться до Бирче хоругви предстояло проходить по двадцать четыре вёрсты в день и, несмотря на то, что конные отряды могли достигнуть северной части Кинска несколько раньше, вступить в сражение без крепкой тангирской пехоты князь не хотел. Из Тангира в Бирче вела только одна хорошая Витархемская дорога. Можно, конечно, было

пойти напрямую через Оакский лес, однако дальнейший путь тогда преграждала Ревира и возникла необходимость, теряя время, искать броды или рубить плоты. Вишкуд понимал, что в случае скорого взятия Кинскгрида, ксебы напрямую выходят к Бирче и затем на Витархем, поэтому решил разделить войско на две части, чтобы не опоздать к королю. Первую часть хоругви в количестве пяти конных отрядов он отправил вперёд под командованием рыжебородого графа, а сам вместе с тяжёлой конницей, пехотой и основным обозом шёл по дороге к мосту через Ревир. Таким образом, тангирские части в столицу не попадали. Князь надеялся, что Атирпу удастся уговорить короля на генеральное сражение, так как весьма хотел скорого завершения войны.

Впрочем, не исключено, что битва могла завершиться поражением Акции и Рочилд будет вынужден отступить. Тогда Птичий Нос наверняка попытается осадить Витархем, но успех этого дела, скорее всего, окажется ничтожным в силу необходимости отражать аксийские контрудары, усиленные всё прибывающими резервами с севера и востока. Кроме того, существовал вариант доставки солдат и грузов с моря прямо в столичный порт, сводящий на нет всю организацию возможной осады. «Главное, чтобы Кседд не разбил короля до того как все войска соберутся у Бирче!» – рассуждал Вишкуд сам с собой. И благодарил Бриёга за то, что первый удар принял на себя не он, а Салмаре.

Хоругвь мерно двигалась по дороге, пополняя провиант в близлежащих деревнях. В её главе ехали князь со свитой, командиры отрядов и рыцари. Дорогих боевых коней оруженосцы вели в поводу следом за ними. Дворян можно было распознать по перьям хищных птиц на головных уборах и двум лентам королевских цветов на правом рукаве. Вся тангирская знать, кроме Вишкуда, передвигалась верхом на дорожных лошадях местной густогривой породы. Даже безземельные мечники, командующие пехотной группой, имели под седлом неприхотливого коня.

За всадниками мерно и тяжело, одновременно вздыхая и поднимая пыль, шла пехота: секуторы, копейщики и лучники. Набранная из крестьян она двигалась почти налегке. Клинковое оружие находилось при себе, а вот щиты, копья и секиры солдаты побросали в следующие за ними телеги. Гордость Акции – тангирский копейщик. В кожаном доспехе и башмаках он широко шагал по дороге на верную смерть и, поправляя нож на поясе, весело рассказывал соседу, как насадит на длинное копьё сразу трёх «воронов». Так аксийские солдаты называли ксебских рыцарей за их «корявый» язык и обычай надевать чёрный плащ перед битвой. Позади всех полз большой обоз. Гремели на ухабах железные повозки, скрипели в дорожных ямах телеги со скарбом. Рогатый скот и запасные лошади, навьюченные одеждой и зерном, замыкали шествие.

Когда почти прошли Гифлор, к Вишкуду подъехал один из командиров и доложил, что некий мечник с женщиной хочет с ним говорить. Узнав, что это путешественники из Витархема, князь разрешил пропустить их к себе и приятно удивился, когда перед ним предстал уставший от дороги Аркарк вместе с беременной Маорой. Его светлость сразу приказал рыцарям расступиться и сам приблизился к путникам. Он оказался весьма рад встрече, хотя и не ожидал встретить в окрестностях Гифлора знакомого и тем более хорошо образованного дворянина. Аркарк поднял вверх правую руку в знак приветствия. Вишкуд ответил тем же. Солдаты проходили мимо глаза на красивую Маору, и Даргу пришлось прикрыть госпожу пушистым платком.

– Доброго здравия, ваша светлость!

– И тебе здравия, Аркарк. Приветствую вас, прекрасная Маора. Надеюсь у вас всё хорошо?

– Вы очень любезны, ваша светлость, – скромно ответила Маора.

– Мы ехали в Гигрид, чтобы встретить там весну и провести лето, однако по дороге нас застала ужасная новость о нападении Ксеброкса, – сказал книгочей и добавил: – Надеюсь, у вашей светлости найдётся для скромного мечника место в славной тангирской хоругви?

Белый длинноногий конь заходил под Вишкудом ходуном. Молодой жеребец, купленный в Даклиции за баснословную сумму, являлся жемчужиной княжеской конюшни и сейчас просто бесился, чуя вокруг большое количество разномастных кобылиц. Князь справился с управлением и начал прикидывать, чем может быть полезен хоругви начитанный столичный мечник, ведь, все отряды уже имели по командиру. Было понятно, что Аркарка можно использовать для написания писем и указаний, поэтому Вишкуд громко, чтобы все слышали, сообщил, что ему нужны каллиграф, толмач и составитель карт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.